

Парадигма управления. Вопросы безопасности. Индустрия

(аналитические этюды)

Введение.

В 2013 г. существенно возросла аналитическая активность и появилась перспектива создания сети аналитических центров различной предназначенности в зависимости от обеспечения лиц, принимающих решения, в различных звеньях и уровнях иерархии управленческого пространства. Если умысел аналитического «актива» рассматривать как реалистический, то при его реализации Россия станет иметь вполне вписанный, оформленный и профессионализированный механизм, своего рода «лобные доли» «головного мозга» страны. Концептуальное видение механизма разработано группой В.В. Летуновского. Мы осуществляем методологическое обеспечение данного замысла. В октябре 2013 г. мы провели симпозиум, посвященный 35-летию нашего методологического сообщества, отметили особенности достижений, созаданий в период 5 лет после предшествующего юбилея в 2008 г. Среди группы достижений особую значимость для аналитики имеет блок технологий «дедуктивных реконструкций», опирающихся на применение гегелевского «абсолютного метода»¹. Эти технологии мыслительной работы подводят итог длительного процесса технологических поисков, начиная с 1981 г., когда мы перешли от «апостериорного» использования методологической парадигмы к «априорному», в проектировании «пространств деятельности» (см. реконструктивный обзор²).

Включаясь в работу инициативной группы по созданию инфраструктуры аналитического механизма страны, мы обратили внимание на судьбы ОПК (оборонно-промышленного комплекса), учтя мотивирующие соображения В.А. Алешина. В анализе ситуации и динамики ОПК совмещаются общая линия смены управленческой парадигмы государства, линия обеспечения безопасности, линия динамики индустриального комплекса и линия культурно-мыслительного, прежде всего – методологического, обеспечения макроуправления. Все эти линии аналитически совмещаются в рамках применения средств и методов цивилизационного подхода, введенного нами в 2006-2008 гг.³

В данной работе мы методологически прокомментируем проблемное поле, а ОПК, используя один из материалов (Меркурия – клуба).

Проблемная ситуация и притязания иерархического звена государственной власти.

Сформулируем, опираясь на материал (документ), проблемное поле и притязания лица, принимающего решения (ЛПР):

проблемы: общее отставание в развитии промышленности, включая ОПК;
несоответствие имеющегося потенциала потребностям ОПК;
исчерпание задела, полученного в предшествующие годы, прежде всего в «советский» период;
устаревшее оборудование;
недозагрузка предприятий;
недостаточное финансирование многих предприятий;

¹ Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 20. «Абсолютный метод» и философское мышление. М., 2013.

² Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 34. Дневник методолога. М., 2013.

³ Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 13. История: цивилизационный подход. М., 2010; Вып. 6. На пути к цивилизационному управлению. М., 2009; Вып. 21. Стратегическое мышление и цивилизация. М., 2010.

дефицит квалифицированных кадров;
структурные диспропорции промышленного комплекса;
износ основных фондов;
низкая чувствительность к инновациям и внедрению нового;
низкая производительность труда;
высокая энергозатратность и материальная затратность вообще;
отсутствие оборудования для инновационных разработок;
отсутствие единого органа, регулирующего технологическую политику государства;
нет совмещения постановки научно-технических задач, планирования и реализации планов, сопровождения до получения результата;
слабая постановка научно-технических задач;
неспособность государства сформулировать единый целевой заказ на сумму разработок;
снижение роли руководителя проектов;
увеличение доли непрозрачных конкурсов;
несовмещение принципа коммерческой перспективности с целостностью цикла разработок;
дефицит венчурного капитала;
слабость внутреннего технологического рынка;
отсутствие единой терминологической базы;
слабость межпрограммной координации;
слабость механизма предупреждения банкротства значимых предприятий;
утрача престижа инженерных профессий и слабая поддержка карьерного роста;
недооценка государством ключевой роли кадрового потенциала;
рост стоимости разработок часто не гарантирует роста потенциала новой техники.

Проблемное поле можно увеличить, но достаточно для анализа и это перечисление. В чем состоит главное притязание? Оно выражается в базисном положении:

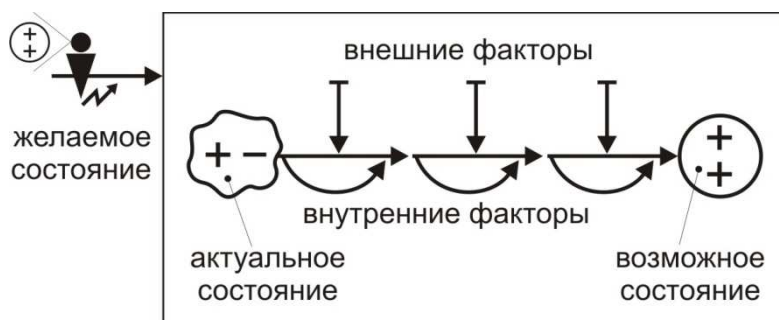
притязание: приблизиться к уровню мировой державы;
надежно обеспечить национальную безопасность;
перейти к инновационному типу развития;
опережающее становление современного и перспективного технологического уклада;
создание системы поддержки развития науки и технологии под долгосрочный прогноз, поддержки инновационного ресурса;
создание качественно новой системы анализа и стратегического планирования для противодействия угрозам на срок 30-50 лет;
создание системы полного индустриального цикла и управления им;
совместить коррекции в механизме ОПК с задачами военной стратегии и их финансового обеспечения;
достижение технологической независимости.

Моменты притязаний также может быть больше, но достаточно понять зафиксированные, чтобы раскрыть условия общего совершенствования ОПК. Важно подчеркнуть следующее положение:

условие депроблематизации: в начале 2000 г. стало очевидно, что без участия государства в задачах инфраструктурного, инвестиционного и инновационного типов промышленность не выйдет на необходимый уровень соответствия потребностям страны, в том числе в линии безопасности;

от нехватки средств осуществляется переход к правильному, эффективному их исследованию.

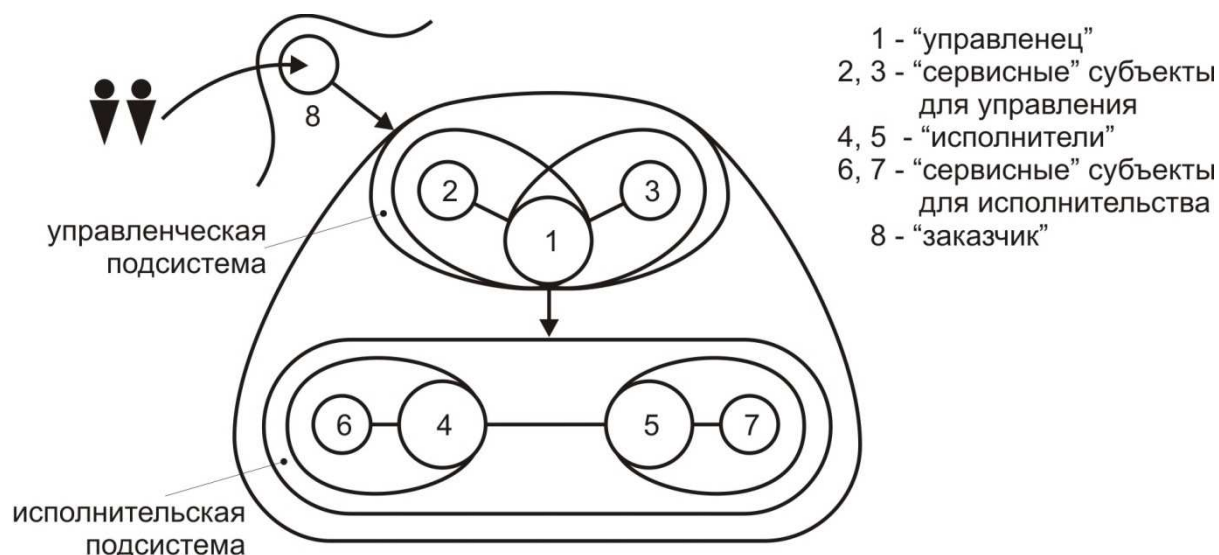
Начнем аналитический процесс. В материале проблем много компонентов. Каждый из них дает картину затруднений, деструкций или того, что является неприемлемым для введенных притязаний. Сами притязания по их содержанию могут сводиться к «восстановлению» прошлого состояния или к введению новых, желаемых состояний. Обоснованность желаемого может отставать от самовыражения желающего и тогда само содержание «желания» зависит лишь от устремлений желающего и накопленного опыта воззрений об объекте. Тот, кто вводит притязания в позиции управленца, берет на себя обязательство осуществлять свои действия и действия подчиненных, исполнителей и зависимых служб, направленные на реализацию желаемого, переводимого в статус цели, но не вводит процесс обоснования, он проявляет непрофессиональность и вносит случайность целеполагания. Критериям обоснованности цели выступает доказательство объективной возможности перехода объекта управления из актуального состояния в желаемое как «возможное», а затем и раскрытие предполагаемых управленцем факторов, внешних и внутренних, предопределяющих последовательность переходов из состояния в иное состояние, вплоть до конечного, т.е. желаемого (сх.1):

“проектное” видение

сх.1

Различие между видением актуального и желаемого состояния объекта создает устремленность на устранение различия и для этого выявляются «вынуждающие» факторы, внешние и внутренние. Естественно, что качество воззрений, их неслучайность, «объективная адекватность», «существенность» и т.п. являются условиями снижения или отсутствия иллюзий, бесполезных «для дела» проектных видений и их текстуального выражения. Само целеполагание и прогноз достижимости цели, проектное воззрение предстает как управленческое «реагирование» на наличие в актуальном состоянии неприемлемого для управленца. Чаще неприемлемость фиксируется в оценке состояния тем, кто выступает как «заказчик» для управленца, либо внешний, либо внутренний в имеющейся организации, вышестоящий управленец или иной функционер, имеющий право на реализацию функции заказчика. Сам управленец, в реагировании на наличие актуального состояния объекта и отрицательные моменты состояния, учитывают свой «ресурс», т.е. сумму факторов, их источников, которыми он обладает, и динамику внешней, для контролируемого им ресурса, среды, воздействие на которую для него носит относительный характер. Тем самым, если учесть еще и компоненты кооперативно-деятельностной системы с включением «исполнительских» и «сервисных» звеньев, отношения с «заказчиком» примут «социотехнический» вид (см. сх.2):

сх.2

Перейдем к технологической форме реагирования на поле «проблем», которые пока звучат, как наличие неприемлемого в актуальном состоянии ВПК, рассматриваемого в качестве объекта. К подлинной проблематизации, построению иерархии проблем мы подойдем постепенно. Реагирование может быть нескольких типов:

- на каждый пункт по отдельности;
- на структурную взаимозависимость пунктов;
- на системную взаимозависимость пунктов;
- на метасистемную взаимозависимость пунктов, если есть необходимость учитывать внешние и внутренние факторы метасистемного типа.

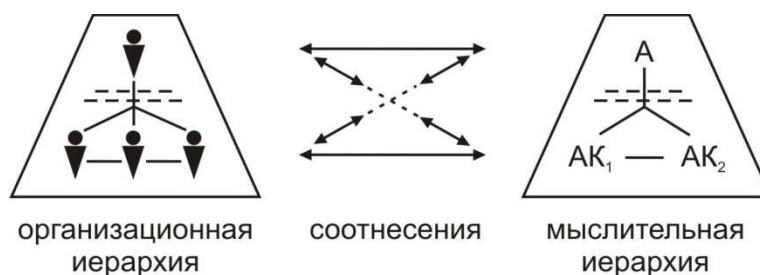
В практике наиболее часто реагирование осуществляется по критерию «структурной взаимозависимости», частичной или полной и, по понятийной неточности, называя его «системным». Очевидность неэффективности реагирования по критерию «попунктности» приводит к его редкому использованию. Следует подчеркнуть, в критическом слое, что методологически значимым является раскрытие различий между:

- «структурным» и «системным» подходами и принципами;
- «системным» и «метасистемным» подходами и принципами.

Тем более что многие аналитические ошибки и ослабление качества получаемых результатов, содержательности процедур связаны именно с данными отличиями¹. Кроме того, в макросистемах масштабов отрасли, региона, страны без использования метасистемных средств мышления задачи и проблемы теряют свою основную содержательность, так как они присущи цивилизационному подходу и опираются на применение онтологических абстракций. Но в нашей аналитике абстракций не «любят», не понимая их сущности сколько-нибудь глубоко и для углубления нужно разбираться в дискуссиях между титанами немецкой классической философии (Кант, Гегель) и дискуссиях методологов Московского кружка 60-80 г.г. (Г.П. Щедровицкий и др.). Так как реагирование на каждый пункт сделает работу крайне объемной и много раз даст пересечений с теми же факторами, не выведет достаточно быстро на стратегический уровень анализа, то мы предпочтем совмещение стратегической направленности с синтезом системного, метасистемного подходов и принципов. Это резко уменьшит объем работы и будет собственно стратегически адекватным.

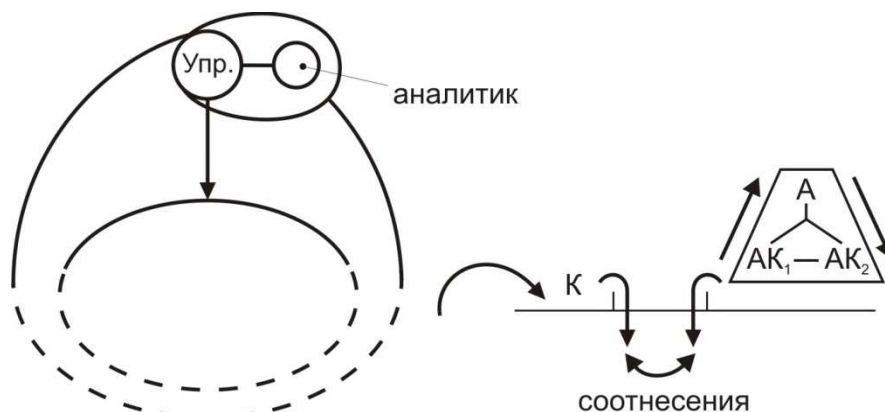
¹ Анисимов О.С. Структура. Система. Метасистема. М., 2011, а также – Акмеология мышления. М., 1997.

Для пояснения соотносительности звеньев единого мыслительного пространства отметим в качестве технологической основы последующих операций совмещение логического тезиса Аристотеля и идеи «метода» Гегеля. Аристотель считал, что единица мышления должна состоять в соотносении «единичного» и «всеобщего», т.е. «конкретного», значимого как материал созерцаний, и «абстрактного», обобщенного заместителя материалов, как средство мышления, как правило, языкового. Поскольку абстракции могут быть разного уровня, вплоть до всеобщих, то выделяется необходимость опираться на иерархию абстрактных средств. Они появляются в теоретической работе в науке и в практической аналитике, в обычных обобщениях. В философии материалом выступают теоретические схемы, понятия, как средства построения теоретических текстов и т.п. В управленческих иерархиях возникает необходимость соотносения уровней иерархии с уровнями абстрактных средств мышления, которыми пользуются разноуровневые управленцы¹ (см.сх.3):

сх.3

В связи с этим появляется проблема правильности «передвижений» в иерархии при соотносении с материалом мысли. В начале, когда еще строится иерархия абстракций, мыслитель осуществляет путь «индукции», т.е. прихода к высшей абстракции, «исходной клеточке» по Гегелю и Марксу. А затем производится «конкретизация» и она становится либо стихийной, запутывающей и бесполезной, или организованной, в рамках дедуктивного «метода» Гегеля². Культурно-организованный мыслитель должен владеть и путем «индукции», и путем «дедукции» в двух вариантах, «конкретизация» и «абстрагирование». Все эти пути являются профессионально необходимыми для аналитика, т.к. он в большей мере, чем сам управленец, ЛПР, разрабатывает решения в сущностно новых и сложных условиях (см.сх.4):

сх.4

Возникает вопрос, – какими абстракциями мы должны пользоваться в анализе зафиксированных «проблем»? Когда говорится о падении индустрии в России, о негативных трансформациях в ВПК и т.п., то имеются в виду события конца 80-х, 90-е г.г. и их последствия в 2000-х г.г. И это были не естественные процессы деградации научно-технического потенциала, а результаты экономической политики и политики в целом, смены управленческих оснований, активного внедрения новых критериев, образа жизни и т.п. Следовательно, если ставятся новые

¹ Анисимов О.С. Принятие решений в управленческих иерархиях. М.2004; Стратегическое мышление: проблема достижения разумного уровня. М.2012

² Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып.20. «Абсолютный метод» и философское мышление. М.2010.

цели, провозглашаются новые притязания, осуществляется управленческое реагирование на возникшее за четверть столетия, то надо рассматривать стратегическое управление страной в условиях осуществляемой смены курса. Так как этот курс является целостным, всеохватывающим, то «объектом» выступает «страна», а «субъектом» стратегическое звено, иерархическое звено государственного управления. Не вводя процессы в этом звене, мы не можем понять все содержание «проблемного» поля, не увидим внутренние «субъективные», а затем и объективные источники печальной ситуации, теперешнего состояния ОПК и страны в целом. К этому нужно добавить и внешние источники происходящего. И тогда вновь возникает вопрос – какие абстракции и какого уровня нам нужны для анализа? Учитывая, что элита СССР раскололась на приверженцев «советской парадигмы» управления и устройства страны, т.е. «консерваторов», и на приверженцев «либерально-рыночной» парадигмы, т.е. «реформаторов», учитывая динамику внешнего идеологического воздействия и вполне реальные силовые угрозы, возникшие вместе с созданием атомного оружия после Второй Мировой войны и охватывающей СССР и дружественные ему страны социалистической ориентации сети военных баз с возможностью атомных ударов, необходимо в качестве исходной абстракции взять понятие «страна» с развертыванием его в разнотипное множество «стран» с неизбежными для их отношений противоречиями. Однако, и «страна», и «типологическое множество» стран должны быть подчинены критерию системности, способные воспроизводить и совершенствовать свое бытие, быть управляемыми. Кроме того, специфика «страны», как особого типа объекта состоит в том, что она имеет не только прагматические основания системности, но и надпрагматические, выраженные в философии, культуре, духовности. Любая страна имеет свою цивилизационную специфичность, по-своему совмещая три типа сил общества – «народное самобытие», «правление» и «высшая критериальность», заключенная в культуре и духовности, а само «правление» обретает свою высшую «разумную» форму.¹ Поэтому более абстрактным средством анализа выступает понятие «цивилизация», а затем – типология цивилизаций. Это позволяет схему «страна» выводить из схемы «цивилизация» в рамках дедуктивного процесса. Но и понятие «цивилизация» не является в иерархии абстракций самостоятельным. Оно выводимо из самых общих оснований, онтологии бытия вообще, выраженной в схеме «метафизический ромб» и типологии бытия. В схеме «метафизический ромб», охватывающей по содержанию универсум, предоснованием цивилизации и страны представляет «нечто», «единица бытия» и она, при конкретизации, трактуется как «нечто в универсуме», как часть универсумально единого. Это позволяет рассматривать «цивилизацию» как особый тип конкретизированного «нечто», а при дальнейшей конкретизации получать цивилизационный «образ» страны и далее – типа страны.

Мы хотим подчеркнуть, что все эти операции опознаваемы и понятны лишь в мыслительном конструировании абстракций и дедуктивном выведении более конкретных абстракций, содержательно выражающих те или иные «идеальные объекты». Для аналитика обычного типа, не уделяющего внимание языковому мышлению, оперированию языковыми средствами, не придающему значимости технике схематизации и т.п. все сказанное остается уделом «формалистических фигур» в построении высказываний. Однако, следует учесть, что мыслительная культура и даже простые процедуры обобщения, построения понятий, теорий невозможны без схематизации и правил оперирования схемами, привнесения в них содержательности иного типа, чем индивидуальные смыслы, подчиненные случайности субъективной динамики.² Аналитику необходимо также различать типы уровней языковых конструкций, выражающих содержание абстракций. Мы выделяем в конструировании абстракций следующие уровни:

- «ситуационный» или прагматический, в практической рефлексии действий и критериального обеспечения рефлексии;
- «теоретический», в рамках научных предметов;

¹ Анисимов О.С., «100 схем» (базисная парадигма языка методолога). В.Новгород. 2013; Переход к разумному управлению. В кн. мышление стратега: модельные сюжеты. Вып.33. Цивилизационный кризис: интеллектуальные предпосылки разрешения. М. 2013

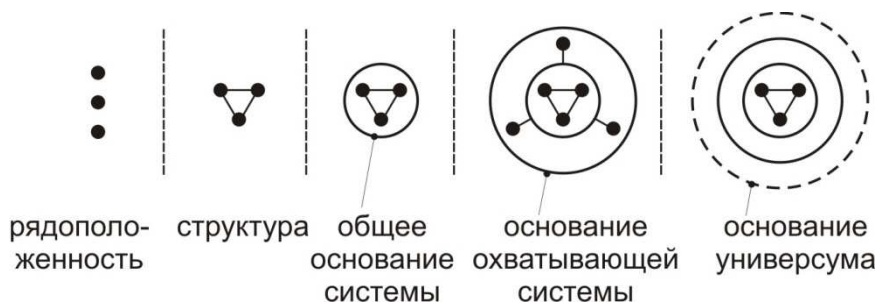
² Анисимов О.С., Схемы и схематизация: путь в культуру мышления. М., 2007, т.1-2; Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып.23. Язык и развитие психики. М., 2011

- «философский», в конфигуративном замещении разнопредметных теоретических конструкторов в науке;
- «методологический», в высшем критериальном обеспечении рефлексивных процессов любого типа.

Иерархии абстракций, подготовленные к осуществлению дедуктивных процедур, «конкретизации» и «абстрагирования», возникают в рамках философских разработок, но под рефлексивным контролем со стороны культуры мышления. Сама необходимость создания иерархий абстракций, малых и больших, появляется при переходе к системному подходу. Каковы отличия «структурного» и «системного» подходов с организационно-мыслительной и логико-семиотической точки зрения?

В отличие от «рядоположенности», в которой бытие объектных единиц является эгоцентричным, потребительским, в «структуре» хотя и сохраняется исходная самозначимость единицы, но она часть своих возможностей может тратить ради «партнера», зависеть от него и делать «партнера» зависимым от себя. В социодинамике носители субъективности в условиях конфликтов выходят в процессе согласования и соблюдения договоренностей, подвергая испытаниям лишь «периферию» своего субъективного потенциала.¹ Любая такая «единица» может уйти от соблюдения договоренности, если интересы партнеров мешают воспроизведению себя, своим интересам выше допустимого порога. В «системах» вводится общее, значимое для всех единиц основания, которое более значимо в соблюдении, чем значимость интересов любой из единиц. При рассмотрении «метасистем», к которым относится и цивилизация, и страна, единое основание для единиц целого является универсально значимым, имеет черты «всеобщего основания», чем в стране и цивилизации является культура и духовность. Следовательно, чтобы войти в систему, единица должна не только учитывать иные единицы, входить в зависимость и вводить в зависимость «партнеров», осуществлять структурные отношения, но и пройти путь от эгоцентрической зависимости к служению целому через посредство общего основания, подчинения ему, а затем и служения своим интересам и временные или более постоянные, но зависимости по согласованию (см.сх.5):

сх.5

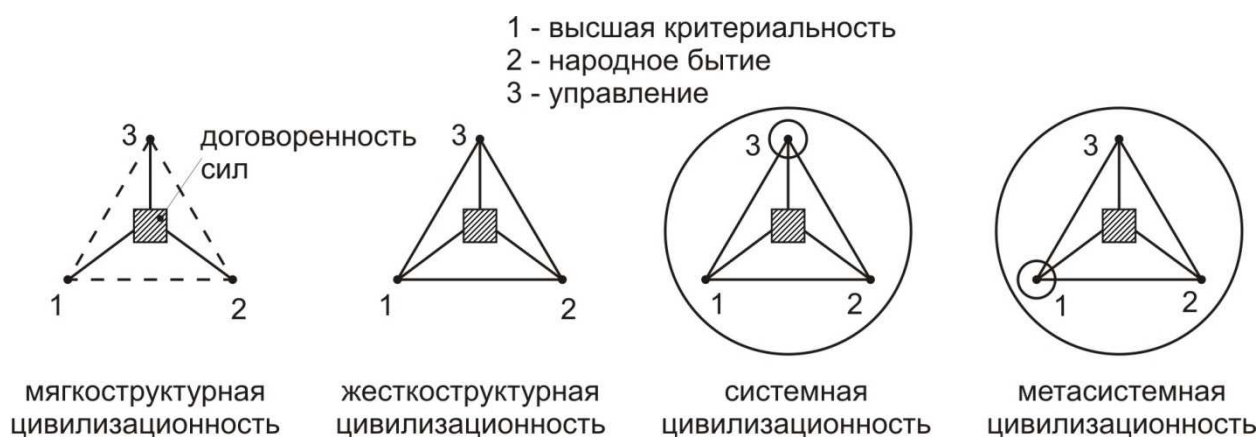
Еще раз подчеркнем, хотя еще вне работы с материалом, что практика мышления аналитиков опирается именно на переходы от рядоположенности к структурности и к возврату в рядоположенность. Системность и, тем более, метасистемность не звучит ни в словах устных, ни письменных, хотя все реально употребляют слово «система». В том числе в руководствах по аналитике, по системному подходу, синергетике. Для нашего анализа это имеет ключевое значение. «Страна» является метасистемным типом объекта, совмещающим слои и рядоположенности, и структурности, и системности, и собственно метасистемности. Так отдельные люди могут рассматриваться как «рядоположенные» в своей природности, эгоцентричности, потребительской самоорганизации. Но они и элементы временных и более постоянных структур, возникающих во взаимоотношениях и в согласованиях, особенно при преодолении конфликтов. Начало социализации обеспечивается именно согласованиями для обеспечения воспроизводства бытия, как индивидуального, так и совместного, в ходе соблюдения договоренностей. Договоренности предполагают использование языка, а он несет в себе стандарты критериального типа. Если в начале согласовательной практики язык участвует

¹ Анисимов О.С. Сущность человека: поле проблем. М., 2009, а также: Теоретические проблемы психологии. М., 2008

«факультативно» и обеспечивает случайность субъективных отношений, то в более сложном и развитом виде он проявляет свои «критериальные» качества и стабилизирует согласовательный процесс и результаты, порождая осознание специфики языкового механизма. Это особенно выделяется при арбитражном обеспечении преодоления противоречий в дискуссиях. Социализация принимает «отчужденный» характер при выделении мира деятельности, особенно ярко представленного в индустрии, в котором устанавливаются жесткие, «формальные» отношения «руководителя» и «подчиненного», управленца и исполнителя, а сам человек, как исполнитель, следует нормам вне договоренностей, т.е. «отчужденно», вне субъективной «логики». При усилении нормирования и охвате самой управленческой позиции возникает момент «отчужденности» и для управленца, который преодолевает свой субъективный произвол в предопределении действий исполнителя.

Наибольшая степень объективно необходимой отчужденности появляется в макроуправлении, в «государственном» управлении, что вызвано ответственностью за судьбы больших систем. Однако, «объективная логика» в принятии решений остается относительной до включения фактора культурности, в мышлении, в мотивации, в самоорганизации, включая волевые формы самокоррекции. Критериальное и многоуровневое языковое обеспечение дополняется выделенностью сферы культуры с акцентировками на интеллектуальное, мотивационное, самокоррекционное и т.п., внесением в этой сфере устремленности на высшее в критериальности как признак культурности. При интегрированности в реализации функции высшей критериальности появляется сфера духовности. Люди в процессе окультуривания и одухотворения обретают метасистемные качества, тогда как в освоении критериев - лишь системные качества.¹

Тем самым, с одной стороны, люди проходят путь обретения структурных, системных и метасистемных качеств, в зависимости от внутренних предпосылок и социокультурных условий, этнокультурных условий и т.п. по-разному, имея перспективу быть единицей универсального типа и создавая микросообщества с теми же уровнями, а, с другой стороны, они живут в разноуровневых средах, от природной, семейной, родовой до «общества» и цивилизационных единиц, цивилизационных сообществ в глобальном единстве. И люди, и сообщества с неизбежностью стоят перед возможностью и необходимостью вписывания во все типы сред и в целостные единицы. «Страна» и является макросистемной и метасистемной, цивилизационной единицей, совмещающей и рядоположенностью составляющих, и структурную их связанность, и системность отношений, и метасистемные зависимости. Выделение трех интегральных типов сил, «народное самобытие», «управление» (включая интегральное – «государственное») и «высшая критериальность» (культура и духовность), их совмещение по функциональной согласованности того или иного типа, создает такую реальность, как «цивилизация». Она может носить как структурный характер, так и системный, а затем и метасистемный (см. сх. 6):

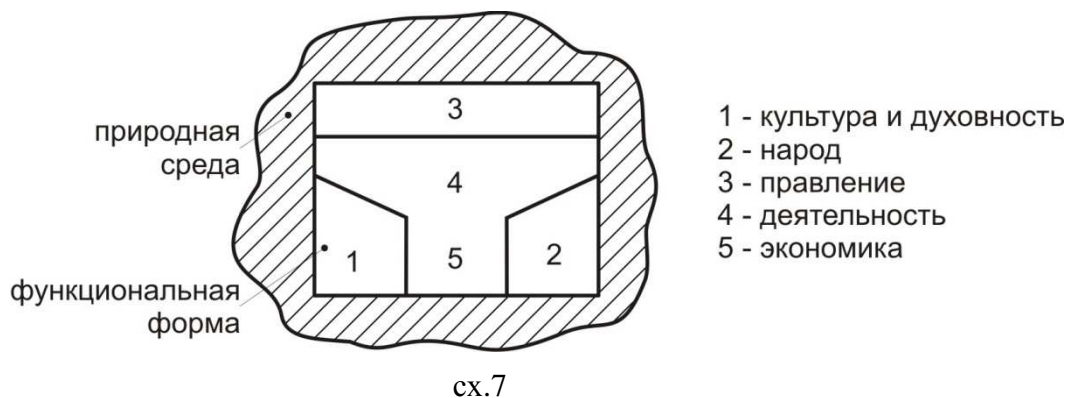
сх. 6

Понятие «цивилизация», ее уровни и типы в уровнях являются более высокими абстракциями, чем страна, общество и т.п. Но страна имеет функциональные возможности

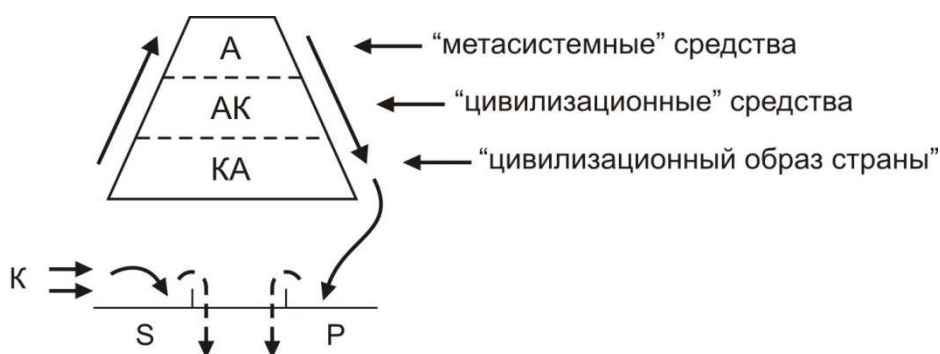
¹ Анисимов О.С. Культура и духовность в мышлении стратега. М., 2012

цивилизационного характера. Чтобы приблизиться к реальным материалам, следует осуществить конкретизацию понятия «цивилизация» и в этом процессе выделяются особые типы бытия – «деятельностное» и «экономическое», а управление приобретает и политические характеристики. Именно на этом уровне аналитик приобретает средство, основание анализа любых общественных явлений, возможность диагностики портретирования любой страны и любой цивилизационной реальности. Оставляя содержательность всех блоков без раскрытия, конкретизации исходная схема страны может выглядеть следующим образом¹ (см. сх.7):

В зависимости от типа связи и акцентировок, дающих преимущества тому или иному функциональному блоку, страна приобретает специфические особенности в мире идеальных объектов, средств аналитического мышления. Если обращаться к общей схеме уровней абстрактных средств и осуществлять содержательные переходы в иерархии абстракций, то аналитик должен иметь «старт» для перехода к любому анализу под любой заказ. Он предстает как совмещение трех априорных уровней (см. сх.8):

Аналитик, не владеющий всеми доступными переходами в пирамиде абстракций, в иерархии, т.е. не обладающий способностями к дедуктивным процедурам, не может считаться профессионалом в аналитике.

Вернемся к материалу. Когда говорится о снижении в индустрии, образовании, в науке, экономке и т.п., то имеется в виду и «перестройка», и «реформы» 90-х гг. Следовательно, необходимо понять основу цивилизационной динамики в этот период. Следует учесть, что события конца 80-х и начала 90-х гг. не могут быть поняты без сведений о событиях в России в XX в. и без исторического контекста истории России. А она не ограничивается приходом Рюрика на Новгородскую землю, христианизацией под давлением князя Владимира и последующей эволюцией до Романовых и до большевистской революции. Историки, например, В. Данилов, В. Демин, А. Трехлебов и другие, выявили не только «урезание» нашего пути на 5 тысяч лет, но и предысторию, в которой есть место нашей предшественнице – Сибирской Державе, Рассении, столицей которой – Асгард, была создана 106,8 тыс. лет назад в районе теперешнего Омска.² Для контраста достаточно сказать, что когда славяно-арии или русо-арии пришли 7,7 тысяч лет назад с Саяно-Алтая к р. Хуанхэ предки китайцев не имели государственности и их вытеснили в низину,

¹ Анисимов О.С. Стратегическое мышление: базисные средства. М., 2011; «100 схем». В.Новгород, 2013.

² Анисимов О.С. Россия: от Асгарда до Москвы. М., 2011.

пытавшихся 150 лет вернуть горную территорию. Династия Ся возникла 4,7 тысяч лет назад, создавшая вертикаль власти и власть иерарха. Культурное влияние «северян» было неоспоримым до династии Шан, возникшей 3,7 тыс. лет назад. А евреи вышли на сцену мировой истории лишь в конце XIV в. до н.э. в разгар войны Египта с Ниссеей. В Рассении правили жрецы, волхвы, хотя постепенно отдавали исполнительскую власть князьям, а народ самовыражался и аристократией, в совете глав родов, и в народном собрании, вече. Следовательно, высшие критерии были предопределяющими жизнь населения, принятие решений правителями. Цивилизация была «жреческой» или культурно-духовной, метасистемной. И она была раньше, чем в Перу, в Египте, где мигранты из Рассении удерживали главенство «сути бытия» в принятии решений. Китай пошел по пути системной цивилизации, главенства правителей при соучастии жречества, после династического переворота 3,7 тысяч лет назад сместившегося в «темную сторону». Взлет империи персов при Кире Великом в 500-х гг. до н.э. был тоже при главенстве правителей, но с поддержкой жречества «светлой» направленности, хотя и несколько ослабленного реформаторством Заратуштры, вышедшим из Аркаима, более поздней духовной столицы Рассении.

Оставив в стороне большую историю, зададим вопрос о том, что произошло в России в XX в.? В конце XIX в. в ней был порожден экстремизм и терроризм, в котором главенствующую роль играли идеологизированные евреи, вовлеченные в мировой процесс разрушения монархий, мешавших росту спекулятивной экономики, лидеры которой принадлежали еврейской этнической прослойке, а сама идеология спекулятивности и в социокультурных, и в экономических отношениях сложилась еще во времена исхода евреев из Египта. Они стали потребителями профессионалов жречества при формировании иудейского типа духовности еще во времена после гибели Шумер 4,2 тысячи лет назад, пользуясь услугами беспринципной части жречества, готовых служить за деньги. Устранение имперского типа правления стало актуальным в ходе и результате промышленной революции в Европе, создавшей основу интенсификации спекулятивного типа торговли и банковского обеспечения. Неслучайно, что масоны появились в Англии, Шотландии, постепенно вытесняя и подчиняя иезуитов в Европе. Давление экстремистов, поддерживаемое мировым спекулятивным капиталом, совместились с марксистской идеологией и экономической теорией, смогло направить «управленческую» и «разночинную» энергию в русло устранения монархии и участь Романовых была предрешена. 1917 г. был годом сдачи России сионизированному сообществу «революционеров», маскировавшихся под устремления народа. Россия готовилась поставлять «пушечное мясо» для мировой революции под руководством Троцкого, Свердлова и т.п. Обреченность на служение чужим и чуждым интересам была устранена перехватом инициативы И.В. Сталиным и его командой.¹ Россия вернулась к самостоятельной политике под руководством национально ориентированной группы большевиков. Понимая, что придется бороться с капиталистической и сионизированной Европой, И.В. Сталин ввел мобилизационный тип управления, ускорявший путь к индустриализации, коллективизации и научно-технического обеспечения самозащиты, преодолевая и переигрывая политических конкурентов Троцкистского и подобного типа. К концу 30-х гг. была подготовлена почва смены парадигмы управления от «диктатуры пролетариата» к «народной демократии», хотя и с идейным руководством со стороны партии. Но помешала война, а затем и устранение ядерной угрозы, в которых ярко проявилась «деловая» часть партии и элиты, в отличие от «партократов», как наименовал их С. Кремлев. К началу 50-х гг. удалось подготовить страну к переходу на «нормальный», не мобилизационный тип управления и жизни в целом, со смещением акцентов на нужды народа, сохраняя мощь индустрии и научно-технического комплекса.² Однако отказ И.В. Сталина принять план Маршала и вхождение в экономическую и идейно-политическую каббалу спекулятивной элите мира привел к интенсивной подготовке и проведению цикла мероприятий по разращению советской элиты и устранению защитников «делократии» - И.В. Сталина, Л.П. Берия и их соратников, в чем основную роль играли лидеры «партократов», включая Н. Хрущева, идеально подходящего под задачи разрушения идейности и рационализма в управлении страной. Переворот 1953 г. и его завершение в 1956 г стали началом падения СССР.

¹ Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып.17. Цивилизационная защита Сталина. М., 2010.

² Анисимов О.С. Управленческое мастерство (парадигма советского «делократа»). М., 2012.

Что дает аналитику этот материал, предваряющий основной? Древнейшая наша прародина имела высший уровень цивилизованности, совмещающей верховенство духовно-культурного в триаде цивилизационных сил и все формы организации и самоорганизации в обществе. Если учесть перемещения, миграции русо-арийского, русо-славянского суперэтноса, показанного, например, Светозаром, то ко времени возникновения Киевской Руси на западе славяно-арийского мира роль жрецов и волхвов уже ослабла и на первые роли выходило самовыражение князей с их дружинами, аналогично тому, что происходило на юге, а потом и в центральной и северной Европе. Уже имелся опыт имперской Персии, Рима, Китая и др. Цивилизация проходила путь переакцентировки в сторону управления и его директивности. Возникновение религиозных систем и их подчиненность управленческим основаниям и собственно прагматизму власти, «царской» или «аристократической» лишило блок высших оснований чистоты ведического периода. Совмещение духовной функции с прагматической зависимостью меняющимся интересам в различной степени деформировало цивилизацию как в сторону прагматической случайности, так и в сторону произвола власти, неограниченности самовыражения правителей и, кроме того, еще и «темной» духовности, подчинения спекулятивной идее, манипулирования, особенно в соответствии с экономической спекулятивностью. В этом евреям не было равных, как и подобным «темно ориентированным» этносам, например, ахейцам, а позднее – византийским лидерам, светским и духовным, римским «духовникам», папство, создавшим для борьбы со следами славяно-арийского духа орден иезуитов и т.п.

Не скрывая, в условиях еще дохристианского общества, властных притязаний и пройдя в семейном воспитании «наводки» греческого стиля и ценностей иудейской направленности, князь Владимир, в отличие от ведического по духу отца Светослава, нашел повод повести русов от древней духовности в ту версию религиозности, которая была удобна для неограниченной власти правителей. Перед глазами у князя был недавний опыт правления носителей иудаизма в Хазарии, сумевших «выстроить» русо-ариев, подчинить их через переход от торгово-спекулятивного накопления средств и экономической мощи к откровенно захватнической, насильственной, манипулятивной «державности», разрушенной Светославом. Владимир не уговорил, а принудил к новой «духовности», утопив сопротивляющихся, выжигая селения, уничтожая, прежде всего, носителей духовности, волхвов. Тем самым, переход к христианству был не за счет выявления более совершенных критериев, а путем долговременного и неограниченного насилия, уподобляясь Европе, католической в Риме и псевдоправославной в Византии.

Но если более высокого уровня цивилизованность оказалась недостаточно устойчивой к активности, наследственности, манипулятивности и коварству низкой духовности, то аналитик должен найти основания для понимания этих явлений. Так же как понимание внутренней трансформации антов, части суперэтноса русо-ариев, в миграции достигших за много тысячелетий назад остров Атлань и создавших, совместившись с аборигенами, цивилизацию Атлантиду, пройдя путь к «темным» основаниям своей цивилизационной активности и развязавших 13 тысяч лет назад уничтожительную войну против своей прародины, Рассении. В связи с этой необходимостью и готовясь к раскрытию многих явлений последних трех тысяч лет, включая и мировые войны XX в. и маниакальную устремленность США использовать ядерное оружие и атомный шантаж в XX в. для достижения своих спекулятивных целей, создания нового типа мирового господства, аналитик должен выявить еще более высокие абстракции и высшие основания бытия, обратиться к онтологическим конструкциям, т.е. средствам метасистемного анализа.

Если совместить взгляды таких мыслителей, как Платон, Аристотель, а также Прокла, Лейбница и др., вплоть до псевдогенетического конструкта Гегеля, то тогда можно ввести сначала исходное основание, онтологическую схему «универсума» в ее самом абстрактном выражении. В нем переплетаются основы разгадок тайн «3» и «7». Для части универсума на уровне системы, т.е. «нечто», выделяется три акцента – «форма», «морфология», как крайние члены, отражающие «порядок» и «хаос», «норму» и «ресурс» и т.п., и средний акцент, совмещение крайних. В цивилизации «форме» соответствуют высшие основания, или «идеи» по Платону, а «морфологии» - природное бытие, народное самобытие до прохождения социализации и окультуривания, одухотворения. Третье – «организованность», т.е. интегральное, совмещение начал, это «нечто»,

система. Третий акцент касается того типа совмещения, когда активность касается обоих начал, в отличие от первых двух акцентов, где активной остается то или иное начало.¹ Нечто в универсальной среде подчинено высшим началам, т.е. высшей форме и ее всем конкретизациям и высшей морфологии. Если форма разворачивается из потенциальной возможности форм, т.е. первоформы, проходя учет морфологии, уменьшая «мощность» порядка, то морфология проходит путь уменьшения потенциала беспорядка, путь обретения порядка. При этом прохождение пути и формой и морфологией до исчерпания своих возможностей ведет к функционирующему универсуму. Однако, динамика универсума и его частей предопределена поочередной инициацией, приоритетом того или иного начала. Следовательно, в основе закона динамики лежит цикл, включающий переакцентировки от совмещения или «отождествления» по Гегелю, к рассовмещению, «разотождествления», и наоборот.

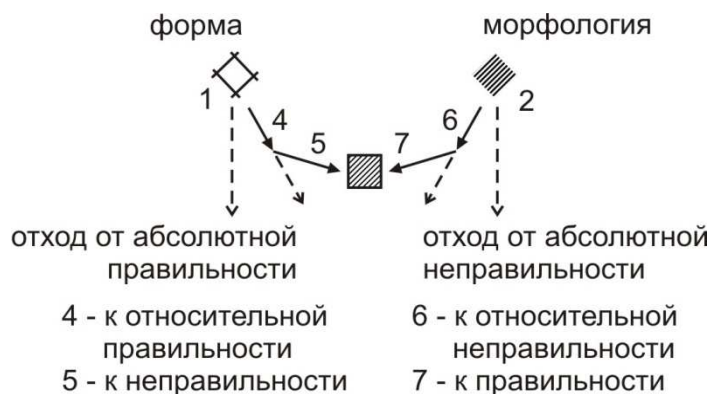
Введя «цикл», мы получаем динамическую картину отношения начал и возвращаемость к «стартовому» состоянию. Так как закон действует на разных условиях и в межуровневых отношениях, то картина становится крайне сложной. Древние выявляли циклы разных масштабов, а мы утратили способность к подобным расчетам, так как мы снизили адекватность нашего поведения в универсуме, и универсум обезопасил себя от нашей «неграмотности» и «невоспитанности», проявляемой во всем, включая политику, идеологию, экологию и т.п. Упрощая анализ, мы можем ввести предельное «актуальное» и «потенциальное» состояние форморазворачивания и упорядочивания морфологии, которые соответствуют предельно «конкретному» и «абстрактному» типам знания о началах. Учитывая необходимость этапирования в качественных переходах, мы вводим «среднее» состояние. Кроме того, так как начала динамически влияют друг на друга в совмещении, то мы типологизируем и влияния, с преимуществом либо формы, либо морфологии. Такой подход в масштабах системности дает раскрытые тайны «3», а в масштабах метасистемности дает раскрытие тайны «7». Понимая, что при первых прочтениях наш текст может пониматься как формалистические конструкции мысли, но, не имея возможности быстро привести примеры доказательства содержательности всех положений, не видя рациональности обращения к накопленному опыту анализа конкретных сюжетов с достаточной подробностью, введем упрощения. В обычной практике деятельности есть отзвуки такого метасистемного рассмотрения.

В мире деятельности формам соответствуют нормы, требования к процессам преобразования чего-либо. Можно выделить три типа норм – «случайные», «научно-обоснованные» и «философско-обоснованные». В отличие от научно-обоснованных, где обобщение и сущностный взгляд исторически обусловлены, философский, по функции, взгляд является внеисторическим, всеобщим. Если мы идем в обобщении индуктивно, то мы еще только «ищем» подлинное в знании, а найдя подлинное, «вечное», сущность как таковую, мы можем возвратиться в прежнее научное обобщение, конкретизируя его, сохраняя научно-выраженную сущность содержания с ограничениями, характерными для научно-теоретического знания. Тем самым, можно начинать с философской, высшей «истинности», пройти путь к научной, относительной «истинности» и дополнить ее практической, «искривленной» истинностью. Параллельно этому и получаются нормативные выражения этих типов знаний, т.е. три типа норм – «неслучайные», «относительно-случайные», «случайные». Если говорить о ресурсе, то можно также выделить ресурс в его полноте случайности, относительной полноте и неслучайности с точки зрения требований нормы. Поскольку закон бытия ресурса быть нетождественным требованиям нормы, то чем норма менее случайна, тем сложнее находить ресурс, соответствующий ей. Чем более высокие требования к профессионалу, тем менее вероятным предстает подготовленность человека к реализации требований, несмотря на усилия по «адаптации» к требованиям, специальную подготовку профессионала. Итак, в деятельности, как и во всем в универсуме, между формой и морфологией сохраняются противоречия и их преодоление всегда относительно. Но в тех или иных границах соответствие считают достигнутым и бытие «организованности» стабильным и воспроизводимым. Можно внести образы «абсолютной» и

---

¹ Анисимов О.С. Структура. Система. Метасистема. М., 2011; Философия: познание, бытие и метод (на пути к высшей онтологии и высшему «методу»). М., 2011.

«относительной» правильности формы и неправильности морфологии. Тогда выделяются шесть типов условий совмещения начал частей универсума (см.сх.9):

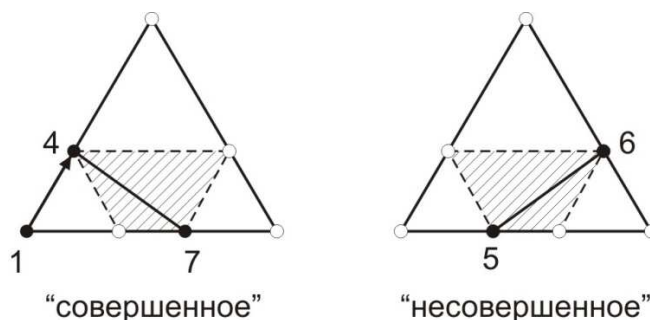
сх.9

Осталось сказать лишь о том, что в порождении локальной организованности принимают участие акценты «абсолютной правильности» в форме, «абсолютной неправильности» в морфологии и «правильности» в морфологии. Если добавить, что эти акценты создают предпосылки к различным их сочетаниям в слоях формы и морфологии при порождении организованностей, но существует и вся множественность, включенная в универсум, являющаяся особым, интегральным акцентом, то получится всего «семь» акцентов (см.сх.10):

сх.10

Можно перейти к типологизации универсумальных динамик в зависимости от сочетания акцентировок, учитывая, что сочетание 1-2 является лишь потенциальным, в модельности полноты возможности. Наиболее совершенным сочетанием в части универсума является 4(1)-7, а наименее совершенным выступает 5-6 (см.сх.11):

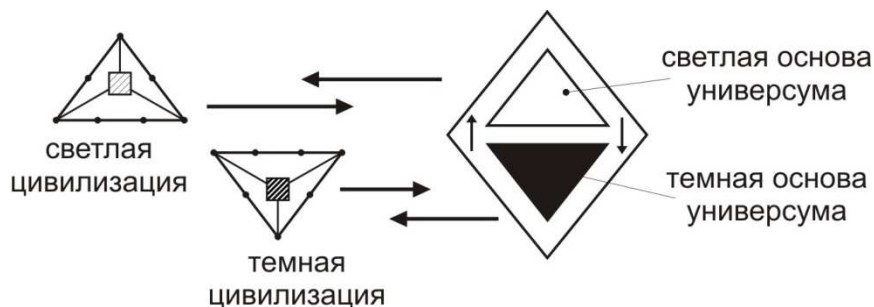
сх.11

Сохраняя содержательность «цивилизации» и рассматривая блок духовности и культуры как первооснования организации любых систем, играющего роль «первоформы», а блок народного бытия как первоуниверсума любых общественных систем, мы увидим, что блок правителей может иметь вначале три базисные установки, совмещая по-разному три источника сил. Это установку на «правильность», «относительную правильность» и на «неправильность», адекватному случайному самовыражению инициирующих сил. Тогда выстраиваются три типа цивилизации (см.сх.12):

сх.12

Так как цивилизации подчиняются законам универсума и соотношениям начал, то историческая динамика в целом предполагает переакцентировки от правильности к неправильности и от неправильности к правильности, составляя цикл. Конкретизируя и вводя типы цивилизаций, мы можем мыслить циклы, специфичные для типов цивилизаций, а также более детализированные типы, учитывающие механизмы не только системного характера (с тайной «3»), но и метасистемного характера (с тайной «7»). Более того, по закону универсума, предполагающего противоречия начал, можно мыслить и исходную типологию цивилизации, разделяющей устремленность на созидание и на разрушение, на увеличение правильности и на увеличение неправильности, на «светлый» и «темный» типы акцентированных цивилизаций. Каждый тип имеет свои метасистемные основания по содержательности, свои «3» и «7». В единой динамике сплетаются бытие разнонаправленных цивилизаций, вносящих свой вклад в универсум. Поэтому можно представить первое членение типов как единство разнонаправленных целостностей со своей динамикой, цикликой (см.сх.13):

сх.13

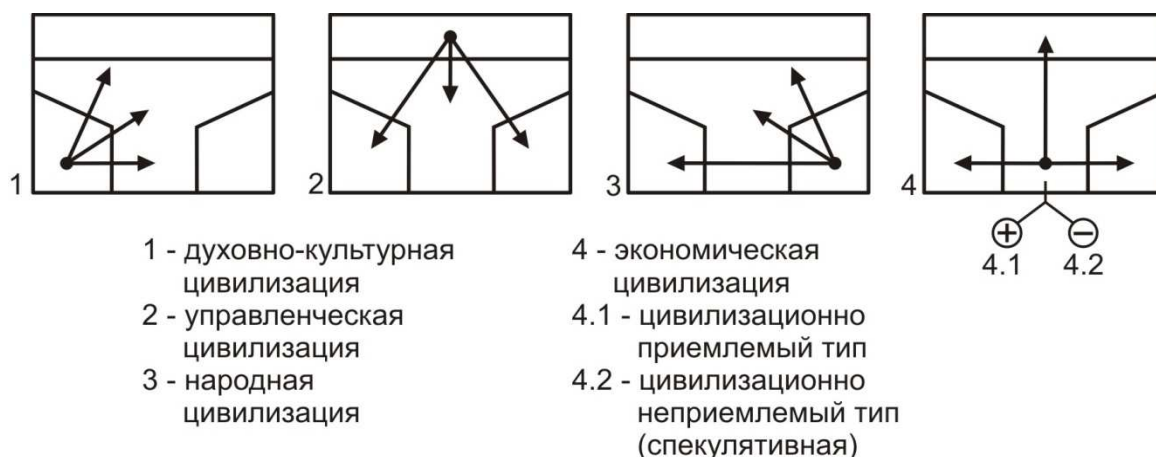
Каждый исходный тип цивилизации, имеющий универсумальную опору с фокусировкой исходного типа, проходит стадии «своей» цикличности, смещая фокусировки и «вверх», к духовной, и «вниз», к народной, имея траекторию перефокусировок с влиянием как динамики универсума в целом, который мы выражаем в схеме «метафизического ромба» с двумя разнонаправленными источниками сил, названными в схеме «метафизическими треугольниками», имеющими семь функциональных акцентов, так и влиянием своих «партнеров». При новой конкретизации появляются выделенные подтипы у каждого первичного типа.

Возникает вопрос – какую роль играют указанные выше мыслетехнические и онтоотехнические различия в аналитике? Если аналитик пользуется языковыми средствами мышления при подхватывании или при соучастии в совершенствовании этих языковых средств, то ему необходимо не только уметь содержательно трактовать эти средства в их использовании, но и осознавать особенности инструментализированного мышления, чтобы представлять формалистичность оперирования и реализовывать познавательную и иную рефлексивную функцию мышления. Оперирование идеальными объектами, появляющимися в ходе содержательной интерпретации инструментов мысли, является единственным путем в культуре мышления. Преодолевающим случайность эмпирической базы и вносящим ответственность в мыслительный процесс, в постановку и решение задач и проблем преодолевается случайность и вносится контролируемость в содержательных соотношениях между «рядоположенностью», «структурностью», «системностью» и «метасистемностью» в объектных анализах.

Для нас эти требования реализуются, если мы учтем, что тип цивилизованности определяет возможные типы явлений и особенности современной ситуации, частные и принципиальные события становятся объяснимыми лишь при конструкторско-содержательном отношении в объяснении наблюдаемого. Как и всякое конструирование такие процессы в мышлении несут вероятность «бессодержательности» формализма, о котором много было сказано в дискуссиях времен Канта, Гегеля. Условиям преодоления языкового и семантического, в частности, формализма посвящал свои усилия Гегель и знание истории логики, философии, методологии является общеобразовательной опорой аналитика.

Применим это утверждение о настороженности к потенциалу конструктивного формализма для пояснения магистральной оценки цивилизационной динамики XX в. с учетом ее складывания в XIX в. и ранее. Для этого мы осуществим общую конкретизацию с уровня «цивилизации» до уровня «страны» и типологии стран. В схеме «страна» и ее содержательности есть блоки «мир деятельности» и «мир экономики». Устраняя неопределенность различения миров с помощью учения Маркса¹, можно говорить о «технологичности» мира деятельности и деятельностного реагирования управленца на внешний заказ, тогда как в мире экономики реагирование опосредуется рынком, торговлей, а торговец является «дотехнологическим» субъектом, имеющим свои частные, индивидуальные интересы, свой эгоцентризм и свое потребительское отношение ко всему. Если управленец в мире деятельности переходит от понимания заказа на языке заказчика, его перефразированию в «своем» языке, «языке теории деятельности»² с последующим проектированием, снабжением ресурсами в рамках технологической кооперации и осуществлением реализации проекта, то капиталист рассматривает заказ как условие оборота капитала с прибыльностью и на рынке осуществляет присвоение товара, прежде всего «труда», в ходе согласований с потребительской установкой. Поэтому торговля является основанием прихода к прибыли при налаженности иных, технологических отношений. Именно в торговле, а затем в финансах, в финансовом обеспечении торговли, в выделении финансового типа капитала, в придании торговле и финансированию спекулятивного характера лежит источник экономических и иных, целостных для страны, для стран, глобального сообщества потрясений. В экономическое, особенно торгово-финансовое бытие по-разному входят разные этносы и они по-разному участвовали в создании экономической корректности и эффективности. Если сама экономика, опирающаяся на циклику капитала и рынок, прежде всего, снабженческий и реализационный, подчинена интересам целого, общества, стране, что предполагает нравственное и духовное отношение ко всем типам активности в обществе, в стране, то экономика является цивилизационно значимой, так как целое предопределяется высшими критериями культуры и духовности. Иначе говоря, в системной и, тем более, метасистемной самоорганизации капиталист является полезным для страны. Если же он структурно самореализован и выделяет свои интересы как потребителя и товаров, и финансов как товаров и т.п. в качестве безусловно приоритетных, то он становится «вредным» для целого, для общества, для страны. Он становится потребителем всего, страны, стран ради корыстных интересов. Но это и означает, что выделяется «спекулятивно-экономический» тип цивилизации (см.сх.14):

¹ Анисимов О.С. Псевдогенетический метод и экономическая онтология (версия Маркса). М., 2009.

² Анисимов О.С. Новое управленческое мышление: сущность и пути формирования. М., 1991.

В XX в. спекулятивно-экономический блок обрел глобальные масштабы влияния, хотя оформление происходило в XIX в., а проявления спекулятивности, учитывая материалы Светозара¹, были давно, еще во времена рыночных обменов в Атлантиде. Так как в те времена люди свободно посещали разные планеты, части Галактики и т.п., то на рынки прибывали и представители темных сил, из зоны Пекла и т.п., которые имели свои интересы и осуществляли влияние на антов, готовя цивилизационные искривления их элиты под программы в цивилизационной борьбе. Следует подчеркнуть, что в последнее время открываются те знания, которых мы были лишены ранее. Тем самым, идет подготовка переакцентировки огромных масштабов. В XX в. именно спекулятивно-экономические силы породили две мировые войны, губительные для многих миллионов. Массированная пропаганда и переориентация элиты СССР в пользу свободного рынка и спекулятивной демократии в условиях созданных манипуляторами из-за рубежа осложнений во внутренней жизни в СССР, в том числе и с помощью перенапряжения в гонке вооружений, а также господства в мировом финансовом рынке, обрекли СССР на инвалидную «перестройку» и «реформы» на развал СССР. Хотя подготовка к этому велась целенаправленно все время существования СССР, особенно после переворота в 1953 г.² Что противостояло этому? «Деловая» часть большевиков, возглавляемая И.В. Сталиным, создала мощное государство СССР, опираясь на позитивные образы марксизма и самой социалистической идеи и мобилизационный тип управления в рамках принципа «диктатуры пролетариата». В этом не было никакой спекулятивности и стана была вовлечена в управленческий тип цивилизованности. В 1951-1952 г.г. программа отхода от этого принципа и мобилизованности с переходом на главенство советов при идеологическом влиянии партии, что является аналогом духовно-народной цивилизации. Но усилиями агентов спекулятивно-финансово-торговой мировой олигархии переход был устранен, и возникло сочетание спекулятивно-идеологической и управленческой цивилизованности, обеспечивающей сдачу СССР партократическими силами страны.

Если операционально использовать наши схемы типов цивилизации и страны, то можно заметить неизбежность получения трагического для СССР и современной России результат, слегка облегченный рядом тактических коррекций, не имеющих глобальную цивилизационную панораму.³

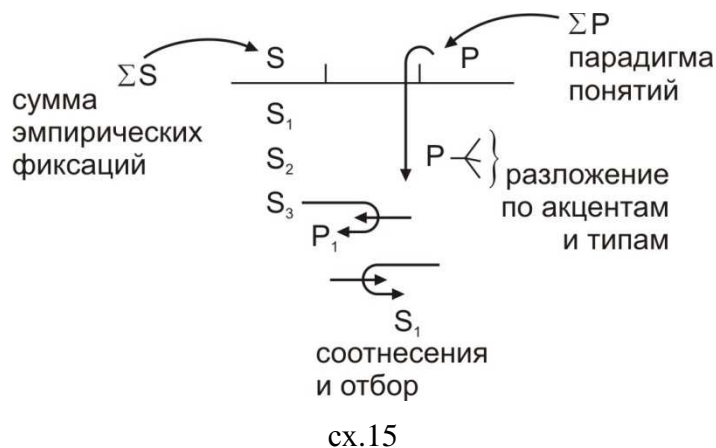
Тем самым, цивилизационные противостояния и противоречия в глобальном поле отношений стран не является случайным. Они предопределены универсумальной динамикой, проявляющейся и в глобально-универсумальной энергетике, вызванной отношениями метафизических противоположностей. Важно реконструировать в соответствующих мыслительных средствах как предшествующие состояния в динамике, так и настоящую динамику и переходы к последующим состояниям в универсумальной циклике. Одних чувственно энергетических презрений уже достаточно и необходимы интеллектуальные механизмы, мыслительные средства реконструкции и прогнозирования. Этому и способствует как логика, так и особенно методология.⁴ Мыслетехнически можно рассчитывать варианты состояний идеальных объектов и соотносить их с особенностями материала, эмпирических фиксаций (см.сх.15):

¹ Светозар Быстьтворь: бытие и творение русов и ариев. М., т.1. 2011, т.2. 2012.

² Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 28. Проблемы стратегического выбора: Россия в центре цивилизационного кризиса. М., 2012.

³ Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 30. Разумная стратегия: опыт проблемы. М., 2012; Вып. 31. Современная война и Россия. М., 2013.

⁴ Анисимов О.С. Методология на рубеже веков (к 50 летию ММК). М., 2004; Методология: сущность и события. М., 2007.

Для примера можно взять материал и выводы генерала А.Д. Нечволодова, касающийся спекулятивного отношения к золоту со стороны масонов и управленческого отношения правительства России к этому.¹ Все действия спекулятивного капитала в конце XIX в. и в начале XX в. вели и к будущему мировому кризису, и к мировым войнам. Следовало лишь понятийно оформить как эмпирические сведения, имеющиеся в начале XX в., так и результаты размышлений генерала в рамках «здорового разума». Можно обратиться к мыслям наших дней. В материалах открытой конфедерации европейских и азиатских народов (ОКЕАН), которая обсудила в г. Киев 26 июля 2013г. свои выводы, готовится следующее:

- на рубеже 2 и 3 тысячелетий происходит смена локомотивов истории, вместо наций – цивилизаций;
- индивидуализация привела к капиталу, как новой производительной силе и концентраторами энергии стали корпорации, частные и государственные, трансформируя общественно-политические отношения;
- капитал концентрировался или в руках государства, в социалистическом подходе, или в руках капиталистов;
- в 60-80г.г. XX в. произошло инвестиционное насыщение внутреннего производства и исчерпание возможностей индустриального роста на базе сложившихся технологических укладов, возникла научно-техническая революция, опирающаяся на энергию технологического творчества и управленческой инноватики, появилась перспектива «новой» индустриализации;
- творчество и саморазвитие требуют институциональных трансформаций, информатизации и децентрализации управления, демократизации и выхода за рамки национального пространства, глобализации бизнеса, международного разделения труда;
- стратегическое проектирование стало переходить от опоры на внутреннее производство и социально-экономическую «двухслойность» к многослойным, экономическим стратегиям глобального масштаба;
- возникло осознание ограниченности только технологических инноваций, интенсифицирующую ресурсную ориентацию, глубину переработки природных ресурсов, уменьшение вредных отходов, сохранение сервисной роли людей на производстве;
- требовалось развитие социальных и гуманитарных факторов, их воспроизводства, институтов;
- Запад и в восточной Азии, вслед за Японией удалось справиться с вызовами, СССР и его союзникам – не удалось ввести субъективно-ориентированное развитие, не создавался креативный класс, зато некритически воспринималась монетарная версия

¹ А.Д. Нечволодов От разорения к достатку. М., 2009 (ранее в 1906 г.).

финансово управляемого рынка, идеализации стихийного рынка в рамках конкуренции;

- смысл «человека экономического» оставался в получении прибыли и стоимости активов с манипулятивной формой поведения;
- итогом заимствования «старого» опыта, отсутствие системной и проактивной стратегии реформ, понимаемых и принимаемых населением, конформистское поведение высшего руководства на международной арене вело к нарастающей хаотизации всей жизни в СССР и его развалу; к криминальной «прихватизации», деиндустриализации и это был крах линейной модели централизованного управления развитием;
- в 2011 г. на XIII сессии Конференции по торговле и развитию ООН сделали важнейший вывод о невозможности обеспечить устойчивое развитие на основе моделей финансово-управляемого рынка, достаточное инвестирование в модернизацию основного капитала, что «игра в прибыль» при переходе к глобальной экономике теряет мотивационный смысл, так как в мировом балансе должны сходиться дебет и кредит;
- вывод ЮНКАТО – нужна перестройка мировой экономики, иной тип глобализации, основанный на развитии, иные субъекты развития, иное видение общества, иные институты, правила взаимодействий друг с другом, понимание, что без развития нет сохранения, без сохранения – нет развития;
- развитие предполагает согласованность взаимодействий носителей в гармонии друг с другом и с эволюцией, создание множественных субъектов, «живых» организмов, несущих источник саморазвития, что во взаимозависимом мире устойчивое развитие возможно лишь в совместном развитии на всех уровнях, при участии всех народов;
- представительская политическая система, созданная в ходе индустриализации, свой потенциал развития исчерпал;
- требуется новый корпоративный тип общины как субъекта прав и совместной деятельности, интегрированной в региональное, национальное и глобальное экономическое пространство, могущий создать культурно-духовный и социально-экономический защитный механизм, в котором ростки саморазвития получали бы помощь и уход;
- нации должны объединиться в духовно-креативном пространстве Евразии, стать первооткрывателями, мощным симфоническим оркестром собственной цивилизации, имея в виду, что Евразия – колыбель большинства мировых цивилизаций, имеет коды и нити, связывающие прошлое и будущее человечества;
- следует высвободить, мобилизовать духовно-созидательную энергию народов, сформировать цивилизационно-творящее сознание, гармонизировать соразвитие, партнерство власти, бизнеса, общества на основе свободы, достоинства, развития, веры, надежды, любви и мудрости, дающей или лишаящей смысла все начинания.

Мы поддерживаем основное направление мыслей ОКЕАН. Но следует дать комментарии, исходя из наших оснований, критериев и, подготавливая реагирование на введенный в начале работы заказ ОПК.

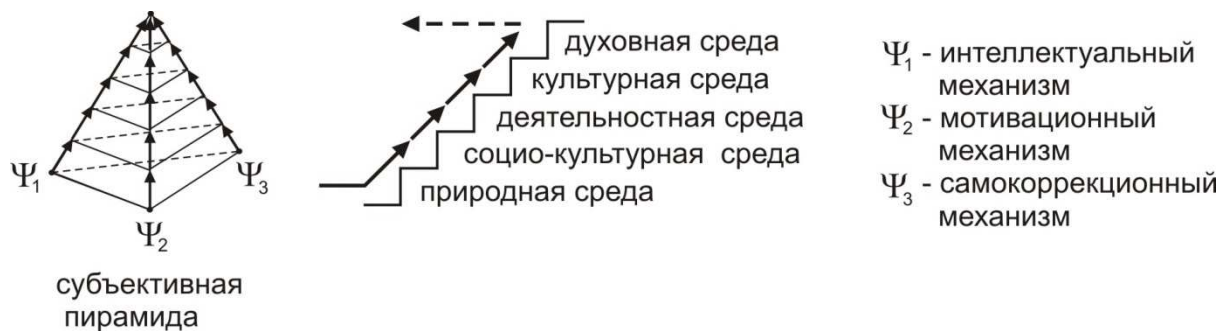
В проекте ОКЕАН остается ведущим акцент экономический, а все остальное – по случаю, хотя выводы ведут к смене подхода, переход на цивилизационные рельсы. Понятие цивилизации не выделено, хотя моменты, намеки имеются. Мы видим, что поводом выступает не сама по себе суть рыночного бытия капиталиста и его капитала, основанная на согласовании и соблазнах повернуть согласование в выгодную для себя сторону, за счет и манипуляций, спекуляций всех типов, в том числе рекламных, СМИ и т.п., на самой возможности неограниченного самовыражения и ринга противодействий, сводящих согласование к минимуму и нулю. Поводом

является исчерпание возможностей индустриального роста. Эта проблематизация эмпирическая, точнее – регистрационная, а не на основе понятий и идеальных объектов. Само по себе возникновение НТР, технологическое творчество, управленческая инноватика и т.п. говорят о новых возможностях в деятельностном мире и в экономике. Но эти явления по-разному звучат в мире деятельности, в мире экономики, в целостности страны и общества, в глобальных взаимодействиях. В ОКЕАНе выделяется тезис последствий для экономики, глобализация бизнеса и в нем уже и разделение труда. Тем самым, мысль авторов скользит в нечетко фиксированном симбиозе миров, деятельностного и экономического. Творчество и саморазвитие в мире деятельности, в социокультурном мире – одно, а в мире экономики – другое.

Если опереться на специфическое выражение пути человека в его субъективном развитии и различать этапы в качественных переходах в зависимости от адаптации и освоения способов бытия, самоорганизации в типах «сред»,¹ если различать качественные характеристики «сред» от природной до духовной, то в качестве сущностного положения, имевшего место в «Философии духа», «Феноменологии духа» Гегеля,² мы фиксируем обязательность последовательного освоения сред и стоящих в их основе механизмов. Мы понятийно различили несколько типов сред и механизмов:

- природная (физическая, химическая, биологическая);
- социокультурная (на основе согласования в сюжетах конфликтного типа: непосредственное и через критерии докультурного, всеобщего типа);
- деятельностная;
- культурная (на основе введенных «всеобщих» критериев дифференциального типа: интеллектуальных, мотивационных, самокоррекционных, внешнекоррекционных и т.п.);
- духовная (на основе введения «всеобщих» критериев интегрального типа, соотнесения с первопричинами бытия и идентификации с ними).

Магистральную схему, показывающую путь «духа», мы назвали «субъективная пирамида» (см. сх. 16):

Каждый шаг развития соответствует диалектическому «двойному отрицанию», первому – для отрыва от инерции прежнего уровня, и второму – для прикрепления к новому уровню. Можно использовать и типологию шагов в качественном переходе, данную в «Книге перемен» с помощью «гексаграмм».³ Их содержательность не противоречит диалектике, но дает процессуальные различия, в зависимости от трансформации механизма развивающегося. Практика игромоделирования показала, что вместе с применением методологических средств возникает возможность управления развитием и человека, и организаций.⁴ Важно отметить, что, не пройдя

¹ Анисимов О.С. Сущность человека: поле проблем. М., 2009; Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 9. Философско-психологические предпосылки акмеологии: понятийная парадигма. М., 2009.

² Гегель Сочинения. т.3 Философия духа. М., 1956; Феноменология духа. СПб. 1992.

³ Анисимов О.С. «И-цзын Чжоу-И» как шедевр акмеологической мысли. М., 2007.

⁴ Анисимов О.С. Развивающие игры. Игротехника. Методология. М., 2006 т. 1 и 2; Субъективная рефлексия в игромоделировании и ее понятийное обеспечение. М., 2012.

«правильно» этапы и природный, и социокультурный, и деятельностный, человек не готов к экономическому бытию в его положительной ориентации и сохраняет потенциал потребительского и спекулятивного подходов. Для вхождения в тот этап цивилизационного развития, о котором говорит ОКЕАН, требуется значительное совершенствование на этапах культурного и духовного становления.

Кризис, переживаемый глобальным сообществом, является, как мы зафиксировали в 2009 г., не финансово-экономический, а цивилизационный. И в основе его лежит слабая развитость лидеров, элиты в культурном и в духовном уровнях, процветание прагматики и потребительских принципов. Никакие меры финансового и т.п. экономического порядка не изменят положения дел и будут служить перераспределению капитала. Как писал Н. Моисеев, экологические проблемы не решаемы в современном подходе, а современное образование, особенно в его главном звене – в университетах, не готовит способных преодолеть этот глобальный кризис.¹ Он предлагал совместные усилия всех стран в нахождении ответов на судьбоносные вопросы. Когда мы в 2010 г. начали реализовывать в г. Белгороде проект «Школа стратегического управления»², то ознакомились с текстом областной стратегии перехода от потребительского общества к солидарному. Обрадовавшись этому принципиальному реагированию на всеобщее потребительское настроение в России, мы выявили предельную рыхлость понятийной базы. Поэтому мы разработали базисные средства, касающиеся сущности солидарности и сплочения.³ Было показано, как человек от эгоцентризма и потребительства переходит ко взаимопониманию, сплочению и солидарности. Особо были раскрыты различия солидарного отношения и самоорганизации в отношении партнера, группы, коллектива, организации, региона, страны, цивилизации. Если учитывать всю эту линию, то имеющийся механизм воспитания пришлось бы коренным образом изменять, хотя существенному корректированию можно было бы подвергнуть и те стандарты, которые были в СССР. В этом и состоит фундаментальная роль методологии, разрабатывающей высшие критерии для всех типов организации поведения и деятельности людей и групп, сообществ и т.п. Применительно к партнеру «солидарность» определяется как соучастие в судьбе партнера и конкретных условиях его деятельности, вызывающей значительные затруднения и на основе идентификации с его интересами.

Положение о том, что стратегическое проектирование стало переходить к многослойным, многофакторным, динамическим моделям, также эмпирично, отражая смещения акцентов. Но чем выше уровень объектно-онтологических абстракций, тем раньше и надежнее может быть реагирование на изменения в ситуациях, тем точнее и мыслетехнически удобнее можно отслеживать изменения тенденций. Поэтому мы подвергли терпению читателя, ищущего ответы на понятные вопросы, но не привыкшего задавать инструментальные вопросы и соотносить и инструментальность языка с его содержательностью, семантическими стандартами, понятиями, категориями, онтологиями, идеальными объектами. Эти инструменты и формы их применения требуют больших затрат сил и времени на адаптацию к ним, к их усвоению. Для нас очевидно, что схемы и «сути бытия» («метафизический ромб»), и «цивилизации», и «страны», как и более дифференциальные схемы, позволяют «сразу» намечать типологические версии и соответствующие возможные варианты «событий» в мире мыслей, их содержаний. И мы согласны, что технологическая инноватика должна дополняться социальной инноватикой, культурной и духовной инноватикой, если иметь в виду исторически конкретные образцы норм и моделей поведения. Инноватика в части целого не гарантирует желаемого поворота целого в нужную сторону и сохранения стабильности целого в новом состоянии. Именно неразличение инновационного действия с изменением объекта инноватики и судьбы целого вносит отрицательное последствие в практику инноватики, неконтролируемость в порождении новых поводов к нежелаемым последствиям. Более того, сложилась инерция неразличения изменений и

¹ Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М., 2001; Экология и образование. М., 1998.

² Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 29. Стратегический инкубатор. М., 2012.

³ Анисимов О.С. Солидарное общество: концептуально-стратегический этюд. М., 2012, а также Сплочение инновационных сил. М., 2008.

развития, что обесценивает множество усилий в инноватике. Оно провоцирует появление угроз для бытия целостностей «собственными руками», появление опасных форм бытия.¹

Совершенно правильное суждение о необходимости в трансформации механизмов институтов и «техники» управления ими в связи с переакцентированием роли людей, сотрудников с их сервисного для фиксированного в нормах, ресурсного бытия на рассмотрение их как носителей творческого потенциала, требует пояснения. Мир деятельности складывается в связи с объектными преобразованиями, в индустрии и человек, если он исполнитель, обязан следовать отчужденным, несогласованным с ним, предписаниям. Открепление от такого жесткого отношения к деятелям исполнительского слоя осуществляет управленец, особенно, если он склонен к новациям и проблематизациям, к принятию иных решений.² С другой стороны, самовыражение и свобода целеполагания, принятия решения ограничена как содержанием согласованного заказа, оформленной целью, так и ресурсами, которыми владеет руководитель или которые находятся в зоне доступности, а также принятыми им рамками управленческой деятельности. Среди всех типов ресурса справедливо выделяется «творческий» ресурс, как самого управленца, так и его подчиненных, а косвенно, и тех, с кем он может вступить в отношения по поводу принятия решений. Так как все решения создаются в рефлексивной надстройке над действиями, актуальными и возможными, то творческий ресурс непосредственно зависит от рефлексивно-профессионального потенциала управленца. Увеличение внимания к рефлексивной стороне управления³ является следствием и выделения исследований в этой области, и особенностей методологических разработок. Тем более что сама методология обеспечивает воспроизводимость рефлексивного процесса и критериальными инструментами, составляющими методологическую парадигму.⁴ Чем более организован управленец в своей авторефлексии, чем более надежными инструментами он владеет в критериальном обеспечении, тем более определенные и точные ставит он рамки для исполнителей, сотрудников в реализации целей и проектов деятельности, а затем и рамки для себя в самоорганизации, тем быстрее он приходит к неслучайным поправкам этих двойственных рамок, к открытию возможностей творческого самовыражения на разных стадиях постановки проблем и депроблематизации.

Можно согласиться с тем, что в СССР и социалистическом лагере в целом после мобилизационного опыта постановки и решения проблем, часто огромного и жизненно значимого масштаба, например, индустриализация, коллективизация, создание мощного корпуса научно-технических кадров, «атомный» и «ракетный» проекты и т.п., где особо выделился организационный талант Л.П. Берия,⁵ роль рефлексии и, тем более, рефлексивной культуры, была скрыта за творческим самовыражением лиц, принимающих решения. Анализ дневников Л.П. Берия⁶ показывает, что он умел выявлять особенности проблемных ситуаций в отраслях и совокупности отраслей, в сюжетах международного масштаба, использовал, достаточно корректно, информированность профессионалов, оформлять концепцию главных смыслов и переходить к «разделению труда» с делегированием ответственности без унижительной мелочности опеки, с доверием к тем, кто хотел трудиться и умел это делать, со своевременной помощью в принципиальных затруднениях.⁷ Но нельзя сказать, что не создавался «креативный класс». Именно в тяжелых условиях ускоренных преобразований сам И.В. Сталин и его команда выявляли, стимулировали, доверяли, проверяли, возвышали, но и жестко требовали той самоотдачи, которая была объективно необходима и которая сопровождала выдающиеся успехи.

¹ Анисимов О.С. Методология безопасности. М., 2009, а также: Цивилизационная безопасность: сущность и становление. М., 2008.

² Анисимов О.С. Культура принятия решений: диалоговые модели. В 2-х т. М., 2002. Принятие управленческих решений: методология и технология. М., 2002.

³ Зинченко В.П., Петровский В.А., Семенов И.Н. и др. Рефлексивный подход: от методологии к практике. Под ред. В.Е. Лепского. М., 2009; Лефевр В.А. Рефлексия. М., 2003; Семенов И.Н. Этапы, методология и направления исследований рефлексии. // ж. Мир психологии, 2012, №1; Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005.

⁴ Анисимов О.С. Рефлексия и методология. М., 2007.

⁵ Кремлев С. Лучший менеджер XX века (Берия). М., 2011.

⁶ Берия Л.П. Тайные дневники «Без Сталина России не быть». М., 2012; «Сталин слезам не верит». М., 2011; «Второй войны не выдержу». М., 2011; «Пожить бы еще лет 20». М., 2012; «С атомной бомбой мы живем». М., 2011.

⁷ Анисимов О.С. Управленческое мастерство (парадигма советского делократа). М., 2012.

Даже после трагедии 1953 г. именно творческое «сословие» в среде «делокрылов» поддерживало стандарты мобилизационной эпохи и укрепляло мощь СССР вопреки мерзости в партократических кругах элиты и переплавке под эгоцентрический прагматизм в управленческом корпусе. Однако эта часть героического корпуса народа, конечно, была в рамках жестко иерархических принципов управления, дающего поводы для формалистических и антипрофессиональных проявлений партократов. Да и образовательные стандарты были устремлены на знания, умения, навыки, а не на творчество и его организованное проявление, на творческие способности, хотя в ряде технических ВУЗов творчество было мотивационным стандартом вместе с соответствующими организационными формами прохождения пути к профессии.

Появление методологического движения в СССР, начиная с яркого самовыражения А.А. Зиновьева в середине 50-х гг.,¹ создавало условия для совмещения творческого начала в деятельности, рефлексивной базы творчества с мыслительной культурой.² Но для масштабного прорыва к культуре мышления нужно было еще технологизировать накопленный опыт и прототипы стандартов методологического мышления, и это было сделано нами.³ Понадобились многолетние усилия, чтобы выделилась не только рассудочная, но и разумная технологическая основа культурно ориентированной практики мышления в управлении и аналитике.⁴ Если России нужен «креативный класс», то он еще должен осуществить полноценное окультуривание, продемонстрировать осуществление культурной революции как в слое интеллектуальности, так и мотивационности и самокоррекционности.⁵ Именно это является предпосылкой исторического взлета России в контексте преодоления цивилизационного кризиса.

В ОКЕАНе фиксируется не критическое заимствование монетарной экономической парадигмы, стихийности рынка, втягивания в неограниченную и коварную, бандитскую конкуренцию, манипулятивный произвол, игнорирование интересов народа и т.п. Однако всем хорошо известно, что это не было «естественным» процессом. Порча элиты готовилась сознательно из-за рубежа, опираясь на адептов «западничества», на растущую «пятую колонну», по всем правилам захвата «мыслей и чувств» манипулятивным корпусом профессионалов, отработанных еще во времена Древней Персии, Булгарии, Хазарии и т.п., утонченным в сообществе ордена иезуитов кругами масонов. К сожалению, руководство СССР до 1953 г., занятое выживанием СССР и его самозащитой в рамках ядерного шантажа, не смогло подготовиться к «интеллектуальным» и «психологическим» войнам. В настоящее время соотношение «ручных» и «умственно-мотивационных» войн сместилось в пользу второго акцента и в России не создается потенциал такого типа самозащиты.⁶ Без этого сектора защиты, безопасности обычная оборона может быть обесмыслена. Тем более, на фоне резкого снижения технологической компетентности и отстранения от технологической, гуманитарной и т.п. типов культур, от духовности, выходящей за традиционные рамки одностороннего самосовершенствования. Даже появление «акмеологии»,⁷ устремленной на качество саморазвития, общего и профессионального, вне интегрирования подлинно культурных и духовных критериев не дает нужных результатов, хотя и она отесняется на периферию практики совершенствования управленческого и иного профессиональных корпусов.

Вывод ЮНКТАД о «моральном устарении» финансово-управляемого рынка также носит эмпирический характер, внутриэкономический, фиксирующий неэффективность инвестирования в модернизацию основного капитала. Однако этот вывод направлен в сторону принципиальности,

¹ Зиновьев А.А. Феномен Зиновьева. М., 2002; Анисимов О.С. Онтология общества и социальное управление (А.А. Зиновьев и культура мышления). М., 2004.

² Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.

³ Анисимов О.С. Методология: функция, сущность, становление. М., 1996.

⁴ Анисимов О.С. Стратегическое мышление: проблемы достижения разумного уровня. М., 2012.

⁵ Анисимов О.С. Стратегическое управление: единство интеллектуальных, нравственных и духовных оснований. М., 2006.

⁶ Анисимов О.С. Войны: сущность, типы, стратегии, технологии. М., 2013.

⁷ Деркач А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Акмеологические основы управленческой деятельности. М., 2000; Деркач А.А., Сайко Э.В. Самореализация – основание акмеологического развития. М., 2010.

так как говорит об обесценении принципа «игры» в прибыль, в прибыль любой ценой, в манипулятивность ради корысти. Этим подводится черта и в таких формах управления, которые интенсивно проводил и проводит в жизнь А. Чубайс и др. В выводе идут в сторону перестройки мировой экономики, ее базисных механизмов, а затем и всех механизмов общества. И это крайне важно. Без серьезных оснований, но говорится о целостной схеме иных общественных отношений, об иных субъектах развития, иных институтах. Одно дело прибыль в кругообороте капитала, а другое – главное развитие на основе не конкуренции, а согласованности во взаимодействии. И тогда за что боролись «реформаторы» конца 80-х – начала 90-х гг., покалечившие Россию и весь Восток Европы? Разве не к тому же самому вели «делокрыты» СССР? Стоило ли разрушать СССР и соцлагерь? Конечно, это разрушительное действие было со стороны тех, кто стоял на эгоцентрических и противопоставительных позициях, демонстрируя исходные принципы «темных сил». И они не могли поступать иначе, так как само экономическое бытие было подчинено доэкономическим основаниям. В рамках этих оснований эмпирическая фиксация неэффективности инвестиций и т.п. не может стать главным основанием перехода от противопоставительности и конкуренции к сотрудничеству ради совместного развития. Эти силы будут искать новые способы реализации «темных» мироустановок. Но они не могут не учитывать обесценение и экономических механизмов, основанных на эгоизме и манипулятивности.

Вывод об исчерпанности положительной роли представительской демократии в теперешнем виде наносит еще один удар по эгоцентрическим силам. Он стимулирует вопрос о том, каким должен быть механизм волеизъявления широких масс в направленности на принятие решений о судьбе общества, целого, в отличие от озабоченности части, спекулятивной элиты. Фиксация устремленности на строительство под новые установки корпоративных общин нового типа возвращает к древним механизмам самоорганизации общества. И мы вновь должны ввести объектно-онтологические основания цивилизации, опирающиеся на «законы бытия» вообще. Вновь приобретает высшую значимость духовный тип цивилизации, «жреческий» тип организации общества.

Характерно, что опыт СССР по выстраиванию идеологически обеспеченных форм самоорганизации общества и опыт фрагментов подобных устремлений в иных странах, включая капиталистические, вносящие эти фрагменты для достижения большей привлекательности исходных оснований капитализма, для уменьшения давления эксплуатируемых слоев населения, с их политическим активом, был стимулирован учением Маркса, по-новому оформившего давние идеи «равенства, братства» и т.п., спекулятивно вносимые иудеями еще более двух тысяч лет назад. Экономическое обоснование этих идей, данное Марксизмом, сохраняло односторонность обоснования, вне рамок цивилизационного механизма как единого «нечто», оставляло лазейки цивилизационных диспропорций и теневое, но не центральное, влияние законов бытия «вообще». И это не устраняло основные установки масонства и манипулятивности, что выразилось и в содержании принципа «диктатуры пролетариата». Пролетариат становился «дубиной» решения магистральных задач захвата управленческих позиций в мире под ценностями иного типа, чем самоорганизация просвещенного народа во главе «всевидящих», т.е. сущностно ориентированных лидеров. Неслучайно, что И.В. Сталин, искренне принявший идею освобождения угнетенных, марксизм, но имевший импульс универсального отношения к реальности, заметил спекулятивную основу лидеров большевизма, которым была незначима линия совершенствования России, и, в ситуации сионистского захвата власти в России, самоопределился в пользу развития России, а затем и отхода от спекулятивных сторон принципа «диктатуры пролетариата». В экстремальных условиях разрухи после мировой и гражданской войн он рационально использовал «диктатуру пролетариата» для создания великой державы и преодоления этой диктатуры ради порождения эффективной народной демократии как самоорганизации народа. Но прямой переход к ней, вне жестких форм «диктатуры» был возможен лишь после преодоления цепи мобилизационных этапов строительства и самозащиты СССР. К началу 50-х годов условия для отхода от экстремального управления к «нормальному», с привлечением вечных законов бытия созрели, в основном. Но потенциал управленческого дирижирования этим процессом был уже на исходе по многим параметрам, включая возраст, здоровье, а потенциал разрушения оптимального механизма управления и устремленности на будущее, замены его на потребительские и

манипулятивные принципы у «партократии» был на подъеме, с помощью высших спекулятивных сил. «Делократы» в высшем эшелоне власти стали обреченными на уничтожение. Марксизм стал средством манипулирования политидеологических сил. Он не проходил путь очищения от односторонностей к полноте мировоззренческого и мироотношенческого взгляда через привлечение всех версий оснований идеологии и стратегического управления, духовных систем, через налаживание механизма обработки прототипов оснований, через использование потенциала культуры мышления и, в частности, результатов немецкой классической философии, особенно «абсолютного метода» Гегеля, наладив механизм оформления, технологического выражения этого метода. Все это не было нужно «партократам», а приверженцы «делократов» еще не возвысились до принципиального отношения к культуре и духовности, хотя и уважали эти сферы.

В связи с этим, мы приветствуем устремление ОКЕАН к совмещению социально-экономического слоя единого с культурно-духовным в рамках идеи самотворения, саморазвития общества в целом, сообществ и глобального целого человечества. Рассмотрение Евразии как мирового полигона «нового» строительства, имеющего цивилизационные признаки со «светлым» первооснованием выступает как подлинно цивилизационный проект для Евразии и мира в целом, учитывая цивилизационное прошлое, цивилизационные коды и нити. Если привести тот инструментарий, который порожден методологией, порожденной именно в России, в пространстве СССР, то сам проект ОКЕАН получает перспективу объектно-онтологической и логико-мыслительной оформленности и обоснованности. После оформления неизбежно возникнут вопросы по всем секторам цивилизационного механизма, проектные и прогностические, а также и проблемные вопросы, ответы на которые могут сплотить, сделать солидарными все здоровые, антиманипулятивные силы в соответствии с универсально значимым сдвигом в сторону «светлых» начал в человечестве. В интеллектуальном взаимодействии приоритетными станут не только и не столько «рассудок», сколько «разум» и поддерживающая его «мудрость».

Итак, мы видим, что к концу 80-х гг. деструкции в СССР усилились, руководство не было способным к адекватным реакциям на внешнее давление и манипулирование. Индустрия оставалась мощной, но приоритеты мировой индустрии ускользали от высшего руководства и средние по уровню руководители использовали свой творческий потенциал вне охватывающей стратегии. В руководстве страной назрел кризис управления и «партократы» цепко держались за власть, не в силах даже для своего воспроизводства внести инноватику, творчество не только в индустриальные, военные, но и гуманитарные разработки, в совершенствование управления, в подготовку управленческих кадров. Экстенсивная система подготовки управленцев оставалась единственной, подчиненной интересам самосохранения «партократической» элиты. И это на фоне уже проявившейся методологии, в той версии, которая еще сама была «зачаточной», не соответствующей требованиям стратегического мышления в сетях и иерархиях. В основе «технологий» мышления, предлагаемой методологами ММК (рук. Г.П. Щедровицкий) лежали принципы рассудочного типа, а с 1979 г., в связи с началом игрового периода, «размягчался» и рассудочный принцип. В то же время стратегическое управление и мышление предполагают «разумное» мышление в иерархических системах абстракций. Это отражалось и в дискуссиях о моделях мышления, о парадигмах языка методологии.¹

В ожесточенных дискуссиях об управлении страной, о пути СССР инициативу захватили «реформаторы», подготовленные на Западе и имеющие в нем поддержку, применяя все типы спекулятивных информационных технологий, завоевывая временный авторитет у дезориентированного и уставшего от неадекватности высшей власти населения. В этих условиях на историческом ринге выделилась борьба «советской» и «либерально-рыночной» парадигм. Поскольку культура мышления не входила в арсенал «консерваторов», коммунистов разных типов и др., то манипулятивная «резвость» реформаторов выглядела лучше, была популярнее. Некому было анализировать сражение парадигм по сути. Философский корпус не использовал даже потенциал рассудочности, хотя суть дела и раскрытие в арбитражной позиции требовали разумности. Логика не имела раскрытости «абсолютного метода» Гегеля, а также и «метода» Маркса. Попытки А.А. Зиновьева, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкого и др. были

¹ Анисимов О.С. Язык теории деятельности: проблемы трансляции. М., 2003; Методологическая парадигма (опыт ММПК). М., 2007.

недостаточно адекватными сложности проблемы. Неоформленность и неустроенность политической и стратегической мысли преобладали на фоне всеобщего мыслительного хаоса, быстро растущих накоплений мнений. В стране не хватало современного «Сократа» и, тем более, «Гегеля». Рефлексивный «ураган» захлестнул СССР, а затем совместился с жестко внесенным либеральным «проталкиванием» рыночного пути, со свободой захвата ресурсов СССР, передела собственности, бандитских защиты и нападений, экстремистских движений и самовыражений криминала. Некому было сохранять индустриальный и научно-технический потенциал при вакханалии реформ, в том числе и в армии, в милиции, КГБ, военно-промышленном комплексе, а также во всем, жизненно важном для страны. СССР, а потом Россия и др. бывшие республики, наводнялись «советниками», «благожелателями», собирателями инновационных результатов в науке, технике и т.п. по «бросовой цене» и просто задаром. Финансовые заимствования были выгодны лишь мировым спекулянтам, ростовщикам, погружая Россию в долги. Невыплата зарплаты и тяжесть долгов, обесценивание производственных мощностей стирали саму проблему кадров, бежавших в сектора примитивной торговли и обслуживания. Для действий в противоположную для морали, нравственности, идейности, патриотичности, достоинства и т.п. сторону условия становились идеальными, чему способствовало и СМИ. Только наивные и дилетанты не понимали осмысленный и управляемый характер хаоса. Но механизмы самозащиты общества были либо оттеснены, либо сломлены, либо манипулятивно обесценены. Выростал как бы национальный капитал, прежде всего в сырьевом секторе. Его усиливающееся влияния, особенно в 2000 гг., контролировалось извне в рамках мирового финансового рыночного пространства, манипулятивно «делясь» с национальными потребностями, как правило, «по остаточному принципу». Для предотвращения взрывов в стране прозревающими гражданами налаживался механизм социального обеспечения с рекламой заботы о неимущих и малоимущих слоях, о низах госслужбы и т.п., не показывающий реального соотношения создаваемых финансов и привлекаемых для «возрождения» науки, техники, образования, заботы о социуме и т.п.

Проблемы, зафиксированные в начале этой работы, являются регистрацией последствий. Наиболее важный отрицательный эффект состоит даже не в недозагрузке предприятий, не в устаревании оборудования, не в исчерпанию задела для ОПК, не в дефиците кадров, имеющих достаточную квалификацию, не в диспропорциях промышленного комплекса, не в низкой чувствительности к инновациям, не в низкой производительности труда, не в высокой затратности и т.п. Дело в разрушении интеллектуального механизма управления макросистемами, замене фрагментов квалифицированного управленческого корпуса дилетантами во всех, за редким исключением, областях управленческой практики, в том числе и в НИИ, КБ и т.п., в случайности проявлений высокого управленческого профессионализма. Страна заменила дилетантами, конечно, преимущественно, не полностью, весь не только верхний уровень управления, но и средний, часто и нижний, мешая самовыражению талантливых управленцев и предпринимателей, сводя их активность к соответствию проектным, технологическим рамкам невысокого полета. Конечно, в ресурсном секторе требования и сохранялись, и повышались, что оправдано ролью ресурсов «для иного», для зарубежного заказчика, а не «для себя». Страна резко снизила потенциал «головного мозга», вытеснив носителей более высоких устремлений и таланты в зону «спинного мозга». Самые большие потери страна испытала в зоне «лобных долей мозга», т.е. в стратегическом мышлении «для себя», а не «для иного». Государственное планирование свелось к обслуживанию планирования самостоятельных крупных капиталов своего эгоцентрического роста. Заказчиком выступала не страна, а ее спекулятивно-экономический блок. Поэтому не стало и заказов для подготовки управленческих кадров, так как всех направляли на «самоподдержание» и на замену заказа «сверху», на заказ «от себя», в пределах своих возможностей участия на рынке. Государство ушло от ответственности в ключевых областях, хотя вынуждено было частично возвратиться к ним, например, к интересам ВПК.

В основу своей деятельности государственное управление положило экономические принципы и критерии, как бы «забыв» исходные основания организации любой ответственной деятельности. Любой достаточно просвещенный человек, тем более управленец, рано или поздно задает вопрос о том, в чем суть того дела, которым он занимается или занимаются его партнеры. При этом надо иметь в виду, что это метафизический вопрос, выходящий за прагматические

интересы. Если следовать метасистемному подходу, то можно вспомнить мудрецов, например, Платона, Конфуция. Так, Конфуций, зная об общем законе бытия, необходимости соотносить и приводить реальные действия, на «Земле», требованиям высших законов бытия, «Небу», считал, что законы, не согласованные с «Небом» не надо выполнять для блага народа.¹ Подобными положениями наполнена древняя литература Китая.² Более подробно охарактеризуем взгляды Платона.³ Он ввел учения об «идеях», которые «вечные и неизменные», как бы представители «Неба», сути как таковой, ее выразители. Он утверждал:

- для правильного обсуждения надо начинать с одного и того же, о чем ведется речь, а большинство людей не знают сущности того или иного предмета, не улавливаются о ней в начале рассмотрения и противоречат друг другу;
- по свидетельству древних, неистовство у людей от бога, прекраснее рассудительности, свойства человеческого и охваченный им очищается, посвящается в таинства, неприкосновенным для зол;
- только то, что движет само себя, не убывая, служит началом для движения, не имеет возникновения, оно одушевлено, имеет душу, непорождаемую, бессмертную, ведающую всем неодушевленным, правит миром, если не теряет крылья, не вселяется в тело, после чего тело кажется живым существом;
- мысль бога питается умом и чистым знанием, как и мысль всякой души, стремящейся узреть подлинное бытие, питается созерцанием истины, блаженствует, хотя и ненадолго, возвращаясь домой;
- душа, ставшая спутницей бога и узревшая хоть частицу истины, будет благополучная до следующего кругооборота, а если озабочится случайностью, исполнится забвением, утратит крылья;
- душа, видевшая больше всего, попадает в плод будущего поклонника мудрости, красоты, любви, а другая за ней – в плод будущего царя, соблюдающего законы, способного управлять, восьмая – в демагога, девятая – в тирана и кто соблюдает справедливость, получит лучшую долю, а кто нарушает – худшую долю;
- душа не возвращается туда, откуда она пришла в течение 10 тысяч лет, не окрылится раньше, за исключением души, искренне любящего мудрость, они окрыляются через 3 тысячи лет, три кругооборота по тысяче лет;
- тот, кто не знает истины, гоняется за мнениями, у того речь будет неискусной, ведь в речи, как у живого существа, все должно соответствовать целому;
- способность охватывать все общим взглядом, возводить к единой идее, давая определение каждому из разрозненного, а Перикл преисполнился познанием возвышенного и ума, мышления, с помощью Анаксагора;
- природу души можно постичь, постигнув природу целого;
- в судах нет дела до истины, нужно правдоподобие, а прежде всего надо познать истину относительно любой вещи, определить все в соответствии с этой истиной;
- истинное бытие – это умопостигаемые идеи, бестелесные, пронизывающие многое, а многие идеи схватываются одной извне, а одна идея связана в одном месте совокупностью многих, отделенные друг от друга и все это есть различие по родам;
- философа, постоянно обращающегося разумом к идее бытия, нелепо различать, так как духовные очи большинства не в силах выразить содержание божественного;

---

¹ Конфуций Уроки мудрости. М. – Харьков, 2001.

² Искусство управления. Китайская классика. М., 2004.

³ Платон Собрание сочинений в 4-х томах. т.2. М., 1992.

- все вещи приобщаются к идеям и становятся подобными, а какие-то идеи сами по себе и то, что им причастно, и существуют отдельно, каждая идея, оставаясь единой и тождественной, может пребывать во всем;
- идеи пребывают в природе в виде образцов и вещи сходны с ними, подобны, их причастность в уподоблении;
- идеи – суть, в отношении одна к другой и лишь в этом отношении обладает сущностью, не к подобиям им.

В чем состоит значимость вышеприведенного? Платон разделил миры на созерцаемое и умопостигаемое. Поэтому начинает анализ человек с созерцания, а затем, если сможет, идет к умопостигаемому, т.е. тому, чем занимаются постигающие язык, языковые конструкты. Но если конструкты случайные, они «подобны» созерцаемому. Поэтому постигающий суть отходит от случайного до предела, которое и должно быть несущим «суть». Только с помощью этой «сути», высшего понятия, аналитик может дать неслучайную характеристику наблюдаемому. Неслучайное и является уделом арбитра, а суть – высшего арбитра, держателя метасистемных взглядов. Не имея устремления к истине, «неистовства» в познании, человек не дойдет до нее, но в его устремлении ему помогает «Бог». Об этом знают все служители культуры и духовности, помогающий очиститься от случайного, прагматичного, временного. В том мире сущности нет внешних факторов, движущих суть, она самодвижущая. Такой принцип был оформлен в «абсолютном мышлении» Гегеля. Тот, кто рефлектирует высшее мышление и конструирование идеальных объектов, знает об этом, в той или иной степени. Тем самым, Платон говорит о поиске первопричины, первооснования. Оно должно быть и для части, например, для производства, для науки, для защиты отчизны и т.п., так и для целого. Тогда и различаются дифференциальные и интегральная «идеи». И только устремленный к истине и к мудрости проходит путь к постижению первоначала и начал. Все соответствует моментам метасистемы в ее высшем, философском выражении. В зависимости от готовности и способности к такому движению различаются «мудрец» и «царь», т.е. правитель. Его полезность и масштабы правильности правления зависят от налаженности отношений с «мудрецом», т.е. носителями высших оснований, культуры и духовности. Мы видим контуры внутри цивилизационных отношений. Мудрец исходит из сверхценности целого, тогда как царь может преувеличенно брать акцентировки под тип ситуации и ошибаться. Благодаря целостному взгляду и иерархии сущностей, свободному мысленному передвижению от сути к сути как от одного типа реальности к другой, мудрец не ошибается и знает, что суть всегда находится в контрасте с тем, что ей уподобляется. Мы видим различие «формы» и «морфологии», их сложные отношения. Поэтому очевидно, что здоровым будет то, что максимально уподобляется своей сути.

Если мы применим это положение к кадровой политике, то увидим самый очевидный и быстрый путь к благополучию в мире деятельности, а также и в социокультурном, политическом, экономическом и т.п. бытии. Нужно знать «суть» и строить управленческие воздействия в соответствии с содержанием «сути» в пределах, допускаемых ситуацией. В стратегическом управлении тот же принцип становится более возвышенным, применяемым на высоком уровне абстрактного отображения происходящего. В этом и состояло искусство великого стратега древнего Китая – Сунь-цзы.¹ Мудрый человек раскрывает «вечное» в «меняющемся», «ускользающем». Мы видим сопряжение мыслей Конфуция и Платона и др. Стратеги опираются на мудрость, разумность, но для этого должны пройти свой путь совершенствования.²

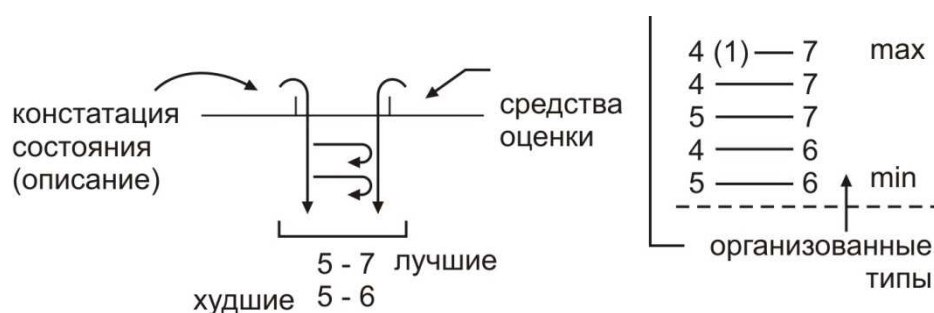
Совершенно правы в ОКЕАНе, говоря, что государство утратило понимание ключевой роли кадрового потенциала, что является не только источником драм нашего времени, но и грубейшей ошибкой высшего слоя управления страной, показателем философской некомпетентности, отъединенности от оснований, имеющих в культуре и духовности. Тем самым, открыта дорога к случайным, суетливым мыслям в позиции стратега, ответственного за судьбы целого. С точки зрения противника, коварства партнера в глобальных отношениях,

¹ Сунь-цзы. Искусство войны. Антология военной мысли. Древний мир. СПб., 2000.

² Анисимов О.С. Мудрость: сущность и трактовки. М., 2008, а также искусство управления. Человек совершенный. Челябинск. 2011.

лучший способ к победе это лишение конкурента «рассудка и разума», источником которых и выступает как наука, так и философия, а в наше время и методология в сопряжении с устремлением к мудрости, к лежащей в ее основе метасистемной аналитике. Как известно, «заболевание» общества, страны, цивилизации начинается с направленного или «случайного» снижения потенциала и требований в сферах духовности, культуры, а затем в стратегическом управлении. И действительно, «рыба гниет с головы». Но тогда ясно, что «оздоровление» должно начаться также с «головы», с возврата или порождения мудрости, разумности в стратегическом управлении за счет повышения притязаний в подготовке высших управленческих кадров. Должна быть введена духовно-культурно ориентированная парадигма, делающая ненужным образование высших управленцев на уровне «ПТУ», с опорой на массу непрожитых и случайных знаний, случайных, не соответствующих «идеям» стратегического управления знаний, умений, способностей.

Для придания мыслительной оформленности этим утверждениям в рамках стратегической позиции используем метасредство, уровня «сути бытия». Если учитывать раннее введенное, то самый верхний уровень оценки реального состояния, исходя из содержания схемы («метафизический треугольник»), внесенных в него типов совмещения «формы» и «морфологии», сведется к следующему (см. сх.17):

сх.17

Мы рассматриваем в качестве «морфологии» лиц, принимающих решения. Сочетания [5-7] означает сочетание самоорганизованного управленца (7) и «рыхлых», не имеющих серьезного основания «форм», норма, используемых в стратегическом управлении (5). Серьезные нормы, имеющие обоснованность научного характера, имеющие опору на «рассудок» и «структурность» (4), как правило, отсутствуют, а привлечение опытных «донаучных» аналитиков или сводится к формализму, опирающемуся на теоретиков в науке. Тем более отсутствует корректное применение философских оснований, предполагающих в применении дедуктивные процедуры, опору на «разум» и «метасистемность и системность» (4(1)). Сочетание [5-6] означает совмещение «рыхлых» «форм», норма с неорганизованным управленцем, склонным к самовыражению и удовлетворению собственных интересов. Конечно, субъективные характеристики подстроены к высшему, метафизическому уровню, но соотношение понятий «субъективность» и «метафизический треугольник» лежит в контексте и может быть дедуктивно прослежен.

Иначе говоря, профессионально значимым сочетанием выступает, если брать «максимум», сочетание [4(1)-7], а минимально значимым [5-7], которое для стратегического управления неоправданно. В этой позиции «минимумом» выступает сочетание [4-7]. Исходя из этого можно оценить и управленческую подготовку, так как приемлемыми выступают только «модели молодого специалиста» с признаками сочетания [4-7]. В настоящее время таких управленцев мы не готовим. В случае подготовки «особых групп», «стратегического спецназа», выпускник уже должен иметь качества, соответствующие сочетанию [4(1)-7], в той степени, которая зависит от ситуации заказчика.

Мы видели, что притязания «заказчика» связаны с приближением к уровню мировой державы. А это для стратегических разработок означает не следование слабым образцам, которые опираются на сочетания [5-7] или еще и [5-6], а именно на сочетания уровня [4-7], хотя если учесть опыт Китая в последнее время, то и [4(1)-7]. Тезис о надежной безопасности гораздо сложнее, так как предполагает учет новых типов войн, как со стороны информационной инженерии и боевых технологий вещного типа, так и информационно-психических и ментальных

противостояний, во многом вовлекающие механизмы цивилизаций. Мы осознаем, что к привычным слоям безопасности присоединяется слой собственно цивилизационной безопасности.¹ В то же время в древние времена противостояние сил «тьмы» (зоны Пекла) и сил «света» носило практически цивилизационный характер, в том числе и война Атлантиды и Рассении. Их поддерживали внешние силы обеих направленностей. Аналогичная ситуация, но в стиле нападения из внеземного пространства, была 116 тысяч лет назад.² Во всяком случае, цивилизационная безопасность требует сочетания [4(1)-7], тогда как «обычная» безопасность может опираться и на сочетание [4-7] у тех, кто интеллектуально осмысливает и строит стратегемы.

Далеко не всегда осознается и содержание притязания, связанного с переходом к «инновационному типу развития». Причина лежит в отсутствии культуры мышления, применения языковых средств, понятий, категорий. «Инновация» сочетает введение «новаций» и механизмов их реализации. Но следует учесть, что новации нужно еще оценивать на приемлемость для «части» и «целого» макросистемы. Новационная активность часто создает негативный потенциал для системы. Более того, именно введение новаций является одним из главных методов борьбы «темных» сил со «светлыми» силами. Орден иезуитов масштабно внедрял непосредственно или через адептов те новации, которые обеспечивали продвижение в католическом наступлении на Среднюю, Северную и Восточную Европу в средние века.³ Они воодушевляли противника на все новые реформы, новации, создающие реформационный хаос. Во всяком случае, если брать обычную, индустриальную инноватику и социальную инноватику, то достаточно давно известно, что воздействие на часть должно быть проверено на реагирование всех частей и подтверждение полезности, эффективности. А это чаще всего не делается в силу дорассудочного и рассудочного типов организации мысли. Неслучайно, что «восточная» медицина, опирающаяся на принципы целостности и организмичности, обладает многими преимуществами над «западной» медициной. Еще сложнее и драматичнее предстает обеспечение «развития» макросистем, в отличие от «изменений». Переход к развитию всегда находится в рамке инновации, если он не связан с рутинной воспроизводства более развитого по готовым формам. Но анализ развития всегда означает переход целого в новое состояние по критериям, существенно отличающимся от критериев изменения. Гегель детально раскрыл механизм развития, особенно в третьем томе «логики».⁴ Если бы руководство СССР, после начала 50-х гг. соблюдало эти особенности, СССР бы стал самой великой Державой на Земле, при соблюдении и других, нравственно-духовных и иных требований к своей работе. Приведем несколько соображений мыслителя:

- логика – наука чистого мышления, имеющая принципом чистое знание, конкретное, живое единство, где противоположность между сознанием и субъективно сущим и сознанием об объективном преодолены, знают как истинное бытие, а определения, которые были для себя сущими низведены до форм;
- суждение есть истина как согласие понятия и реальности, как предикат некоторого субъекта, а субъект перешедшее во внешнее понятие;
- познание должно быть движением, развитием различений;
- метод, согласно которому понятия развиваются из самого себя и диалектика является движущим принципом в нем, ставит целью доказать противоположное, породить из него позитивное содержание и потому она есть развитие, собственная душа содержания, а мышление в качестве субъективного лишь наблюдает это развитие идею как собственную деятельность ее разума, ничего со своей стороны не добавляя, самосознающий разум сообщает себе действительность и порождает себя как мир;

¹ Анисимов О.С. Цивилизационная безопасность: сущность и становление. М., 2008; Войны: сущность, типы, стратегии, технологии. М., 2013.

² Демин В.М. От ариев к русичам. М., 2005.

³ Анжи М. Тюрки и мир: сокровенная история. М., 2004.

⁴ Гегель Наука логики. т.3. М., 1972.

- движение понятия есть развитие, посредством которого полагается лишь то, что уже имеется в себе;
- философия является возвышением до абсолютной формы, себя определяющей как содержание и в тождестве с ним являет познание необходимости, всеобщность, удовлетворенная в своем конкретном содержании как в своей действительности, имеет форму движения необходимости;
- нам превосходнейшей надо считать деятельность мысли, которая занята сама собой и только порождая себя она себя находит;
- философия есть объективная наука об истине, ее необходимости, как познание посредством понятий, а не мнения, в движении мыслящего духа, как источник, из которого истекает все, законы природы;
- чтобы достигнуть этого познания, нужно войти в рассмотрение абстрактных понятий, развития, когда все будет вытекать само собой и через развитие постигает себя;
- чтобы постичь развитие мы должны различать двоякое состояние, задаток, способность, в-себе бытие, с одной стороны, и для-себя бытие, действительность, а познание есть извлечение из себя, выявление вовне того, что есть внутри, зародыш не мирится, оставаясь лишь в-себе бытием и влечется к развитию представляя собою противоречие, выход за пределы свои есть постановка и достижение цели, конечным пунктом которого есть плод, т.е порождение зародыша, возврат к исходному состоянию;
- в царстве духа начало и конец совпадают, дух находится у себя, самораскрытие есть возврат к себе, посредством этого дух достигает своей свободы, не находясь в зависимости и только в мышлении дух абсолютно свободен, даже в воле есть определенный интерес;
- философия есть познание этого развития, мыслящее развитие, а всякое философствование требует известной степени духовной культуры народа, освободившись от страстной заинтересованности.

Мы видим, что в развитии предполагается противоречие потенциального («в-себе» бытие) или способности, еще не проявленной, и необходимости актуализации («для-себя» бытие) до полноты воплощения того, что уже дано потенциально. Если привлекать аналогию из мира деятельности, то потенциальное дано в цели, а продукт есть лишь актуализированная цель. Активность деятельности исчезает вместе с достижением цели. Но сам процесс не является случайным, так как он подчинен снятию противоречия между целью и продуктом. Однако в деятельности цель не может быть самостоятельно себя превращающей в продукт, без привлечения исходного материала. А этот материал не движется к своему продуктному состоянию без вмешательства средства воздействия и от мощности средства зависит преодоление инерции исходного материала, возможность «насильственно» превращать материал в продукт. Тем самым, в преобразовательном действии, воздействии средства на материал нет самоактуализации как развития. Гегель и утверждает, что нельзя насильственное преобразование считать развитием. Если управленец находит воздействующие факторы, вынуждающие систему менять состояние под введенную цель, то это не является развитием. Если же управленец лишь способствует самодвижению системы, ее внутреннему целевому самополаганию, вносит в это неслучайное, но заимствуя, идентифицируясь с потенциальностью и активизацией системы, устраняя преграды в самодвижении системы, он приближается к участнику развития, не проявляя произвол преобразователя.

В то же время управленец должен узнать, постичь саму возможность самодвижения системы, которая опирается на свою «сущность», свой закон самораскрытия. И эта «сущность» не лежит на поверхности, она требует для своего познания со стороны управленца постигающего мышления. В мышлении, как обычном для управленца, так и в его аналитическом сервисе, сервисе

научного и философского познания, преодолевается случайность созерцательной, уподобленческой формы познания и происходит переход к использованию языковых средств, все более мощных для решения познавательных задач. И только познав «суть» системы, найдя в ней импульс развития, перехода в более качественно высокие состояния в общей линии актуализации потенциального, управленец может решиться на «помощь» в самодвижении системы. Можем ли мы сказать, что этим требованиям управленцы следуют относительно микро и макро систем, вплоть до «страны», «цивилизационных единиц» и группировок этих единиц? Нет. И аналитики, ученые, философы не действуют в рамках этой «программы», проявляя деятельностный произвол под случайность заказа или устремлений. Этим изначально нарушается общий закон самосохранения реальности и во всей «красоте» демонстрируется «воля» техногенного начала. Для нейтрализации деформаций, накопившихся в цивилизационном глобальном пространстве, нужно вернуться к принципу «включенного бытия», т.е. при постановке решений, в целеполагании требуется «спрашивать» у реальности допуска к желаемым преобразованиям, к допустимости преобразований с учетом признака «целостности» жизни общества и т.п. Это и есть экологический императив, исходная точка решения экологических проблем.¹ Но для того, чтобы управленцы могли следовать требованиям подобного типа, они должны знать «законы бытия», в том числе и сущность «развития», и понимание циклики динамики бытия.

Однако чтобы пользоваться законами макросистем, оперировать онтологемами в ходе принятия стратегических и иных решений управленцы, в особенности стратегического уровня, должны иметь способности, соответствующие требованиям культуры мышления. В то время как этот тип подготовки просто отсутствует в управленческом образовании, за исключением локальных экспериментов в этом направлении.² Чтобы прийти к пониманию развития и особенностей бытия «нечто в универсуме», бытия универсума необходимо познать путь мышления, способного постигать сущность. И этот путь показал Гегель в «Философии духа», а в экспериментальном слое моделирования механизма мышления, выходящего за рамки рассудочной методологии,³ осуществлен в линии разработок ММПК.⁴ Тот, кто достаточно тщательно рефлектирует, анализирует образцы мышления, в том числе в сложных условиях игромоделирования, приходит к важному выводу, что становление собственно мышления, как мыслекоммуникативного явления, возникает при введении позиции арбитра, берущего на себя миссию оценивать мнения по критерию либо социокультурного типа, эмпирических абстракций, либо критериев более высокого уровня, которые связаны с проблемой «истинности», критерии культурно-познавательного уровня. Поэтому понятно, почему Гегель пошажно идет в философии, где мышление должно быть постигающим «истину». В организации постигающего мышления в философии динамические формы переходят с уровня обыденно-языкового типа, т.е. семиотические формы, на уровень логических форм, обладающих всеобщностью. Предварительным типом такого мышления выступает реализация принципа «дополнительности», обеспечивающего рассудочное мышление, а затем высший тип – «разумное» мышление, основанием которого и является мышление о «развивающихся сущностях», чистое мышление. В нем средство мысли, понятие, категория и т.п., предстает не как внешнее по своей содержательности, и материал как бы выступает «заказчиком» на понятийный аналог своей случайно исторической особенности. «Сознание» носителя материала перестает быть требующим и отбирающим в объекте то, что ему важно. Гегель говорит, что в этом случае, в «чистом мышлении», выражающем существенное противоречие между материалом и средством, познающим и познаваемым, субъективным и объективным уже снято и само средство мысли превращается в то, нужное, истинное содержание. Но тогда к этому средству и предъявляются содержательные требования. Понятие должно в себе показывать движение развития того, что подвергается постижению. Законы развития становятся для «чистого», философского мышления

¹ Анисимов О.С., Глазачев С.Н. Экологическая культура: восхождение к духу. М., 2005; Глазачев С.Н. Экологическая культура и образование: очерки истории, теории и практики. М., 1997.

² Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 29. Стратегический инкубатор. М., 2012.; Анисимов О.С. Конструирование понятий (на примере построения понятия «экология»). В кн. Метод работы с текстами (МРТ). М., 2008.

³ Розин. В.М. Научные исследования и схемы в Московском методологическом кружке. М., 2011.

⁴ Анисимов О.С. Мышление: сущность и развитие. М., 2012.

единственными, оставляя остальное не для «чистого разума», а «практического разума», сохраняющего зависимость от случайного исторического материала.¹

В основе метода «чистого» мышления лежит диалектика, предполагающая, что развитие может осуществляться лишь «из себя» и через противоречие потенциальности зародыша или «клеточки» и устремленности к актуализации, самоактуализации, свободного самодвижения. Но свободное самодвижение появляется лишь в высшем мышлении, философском мышлении, технологическое оформление которого осуществлено именно в методологии.²

Иначе говоря, только входя в позицию философского арбитража и еще не переходя к соотнесению арбитражного средства с реальными сюжетами и мнениями, мыслитель может мыслить «сущность», следуя «методу Гегеля», «чистому» философскому мышлению, сознать развитие как таковое и, затем усматривать его в материале, в ходе соотнесения материала и средства мышления. При размещении такого мыслителя, аналитика в пространство лица, принимающего решения, можно прийти к надежной версии диагностики реального состояния развитости, в том числе и «искривленности» познаваемой и оцениваемой макросистемы. Вне подобного обеспечения высшего управления нельзя говорить об осмысленном влиянии на развитие и вообще об «управлении развитием». Если сам управленец решается на принятие решений о развитии макросистем, он должен предварительно осваивать философское мышление в его методологизированных формах, уважать, ценить языковые средства, абстракции, понятия, логику и т.п. Именно тогда можно всерьез идти в направлении создания системы анализа и стратегического планирования для решения всех проблем, включая противодействие угрозам на длительные сроки.

Возвратимся к проблемам ВПК. В заседании «Меркурия» говорится, что нужно создать систему полного индустриального цикла и управления им. Да, для такой державы, как наша может и должна быть такая система, самодостаточного типа. Да еще и в условиях «окольцевания» противником, попытки «дожать» нашу цивилизационную и индустриальную нишу, пользуясь любыми уловками, включая «глобализм» и вписанность в него частей как несамостоятельных, конечно, под руководством лидерского сообщества с вождем – США. И правильно говорится, что надо совместить коррекции в механизме ОПК с задачами военной стратегии и их финансового обеспечения, нужна технологическая независимость. Тем более, говорится, что в 2000-х гг. пришли, все таки!, к очевидности участия государства в решении всех крупномасштабных задач, инфраструктурного, инвестиционного, инновационного типов и др., без чего промышленность не выйдет на нужный уровень соответствия потребностям страны, ее безопасности. Да и средства надо научиться эффективно использовать. Но как? И совместить с позицией стратегического управления! Как учесть территориальный, этнический, климатический, демографический, культурно-духовный, идеологический и т.п. факторы, которые не менее важны, чем индустриальный, экономический, политический факторы?

Если рассматривать все, что есть в стране, отвлекаясь пока от соучастия других стран на нашей стороне, рассматривать как актуальный и потенциальный ресурс, от «вещного» до «духовного», то нужна линия обороны, «граница», за которую не следует пускать противника, т.е. носителя «отрицательного» замысла, т.е. игнорирующего независимое, свободное, подчиненное внутренним целям и не вмешивающего в иные макросистемы, без одобрения этих систем, бытие и имеющего не только потенциал принуждения к выполнению его целей, касающихся нас, как подвергающихся «насилию», вещному, мотивационному, интеллектуальному и др., нужна сила, от вещной до духовной, преграждающая насилие, нейтрализующая возможность продолжать насилие, принуждающая к отмене самих замыслов насилия. И это касается целого – страны, а не ее частей.³ Противник хочет взять ресурс страны и лишить ее самозащиты всех форм, включая «силовую», армейскую. Поэтому ВПК является лишь частью оборонительного комплекса, направленной на обеспечение средствами «вещной» составляющей борьбы. И противник

¹ Анисимов О.С. Мышление и логика «восхождения». М., 2008; Стратегическое мышление: проблемы достижения разумного уровня. М., 2012.

² Анисимов О.С. Дневник методолога. М., 2013.

³ См. также: Анисимов О.С. Стратегии и стратегическое мышление. М., 1999; Войны: сущность, типы, стратегии, технологии. М., 2013; опираясь на работы Клаузевица, Свечина, Иссерсона, Демина и др.

заинтересован в отсутствии этой обеспеченности или ослабленности обеспеченности, позволяющей наносить гарантированное поражение. США после 1945 г. стремились достичь гарантированности в атомном ударе и нас спасла задержка в расчетах, позволившая дотянуться до создания своего ядерного арсенала. Хотя эта задержка была спасением и для них, если учесть последствия атомных бомбардировок для человечества, в значительных масштабах применяемого оружия. И не сразу они осознали, что опасность касается всего человечества.

Следовательно, требуется расчет соотношения угроз, боевых возможностей нападающего, уровня его притязаний на время борьбы и период после борьбы, потенциала воспроизводства боевых средств, роста технологии борьбы, в потенциальном и реальном аспектах, потенциала армии, ее субъективной мощи, потенциала воспроизводства и роста всей боевой макросистемы, способности «завоевывать» пространства разных масштабов и конфигураций и т.п., чтобы осуществить расчет сил и способов нейтрализации эффективности применения боевой макросистемы и ее ликвидации в той степени, когда она перестает обслуживать «отрицательные» замыслы по противоборству, принуждает отойти от боевых действий и создания иных замыслов с той же установкой. Мы видим, что аналитическая «задача» становится грандиозной, если учитывать привлеченность современного ресурса стран в «производство» макросистемы насилия, в том числе собственно вещных средств борьбы, в процесс созидания армии, иных составляющих инфраструктуры насилия над иными странами. Стратег учитывает все возможные фрагменты расчетов, но предполагает прохождение путей по «схематизации», обобщению, сведению к все более абстрактным моделям для частей и, наконец, целого, всей массы материала по базисной теме. После этого он приступает к рассмотрению «явления» в своей позиции, опираясь на всеобщие представления о борьбе и борьбе макросистем масштабов страны, группы стран, не теряя цивилизационной рамки отношения как того или иного типа цивилизационных единиц, «простых» и «составных». Наша страна является «составной», совмещающей многие этносы, культуры, религиозности и пр. в единичном цивилизационном поле неоднородного характера.

Иначе говоря, ВПК – крайне важная, но часть всей макросистемы, подчиненной «форме» борьбы, идее борьбы. Ее можно анализировать относительно самостоятельно. И эта часть предполагает опору на индустрию и научно-аналитический комплекс, источник новых идей, проектов, моделей, ведущих к новому состоянию ВПК. Какова должна быть индустрия в России? Используем версию, предложенную под управлением Н.А.Потехина.¹ О чем пишет автор? Кратко дадим общую картину:

- отечественными учеными разработаны механизмы расчета, измерения состояний и изменения важнейших пропорций в условиях реального времени с учетом прогнозирования на основе системно-целостной методологии по каждому элементу общественного производства с учетом международных хозяйственных связей и отношений, подготовлены информационные технологии, определяющие объективное состояние и прогнозирующие эффективные решения по осуществлению, предложены прорывные технологии, ведущие к единственному выходу из кризисной ситуации сейчас и в перспективе;
- вторая индустриализация предполагает комплексные, оперативные, тактические и стратегические мероприятия по созданию новой материально-технической, кадровой и организационной базы страны, обеспечивающей выход на передовые позиции в мире;
- необходима организация процессов в соответствии с закономерностями и тенденциями позитивного развития цивилизации, формирование новой созидательной идеологии;
- исходное начало необходимости второй индустриализации состоит в переходе развития общества на качественно новые критерии организации производства и жизнедеятельности в системе «природа-человек-общество»;

---

¹ Вторая индустриализация России (под ред. Н.А. Потехина) Екатеринбург. 2011.

- все технологии состоят из пяти типов, преобразующих потоки энергии в производстве:
  - отклоняющие потоки;
  - захватывающие потоки;
  - превращение в запасаемую энергию;
  - аккумулирующие энергию;
  - превращающие энергию в мощность.
- в стране 78 наукоградов, вузы, институты, Академии наук, НИИ, КБ с богатейшим опытом и научно-техническим потенциалом, а кто первым массово освоит прорывные технологии в мире, тот быстро обновит промышленность и будет в выигрыше навсегда;
- консолидация всех здоровых, здравомыслящих сил, у которых личные и групповые интересы не подавляют интересы общества, других стран позволяет решить задачу этой индустриализации и перспективы развития цивилизации на земле;
- отличие от предшествующей индустриализации состоит:
  - в идеологической и теоретико-методологической основе развития и управления развитием при выработке решений на основе целостного знания реальности и исключая тупики и антигуманные решения;
  - учете экологических нужд;
  - направленность на воспитание и образование населения;
  - системной согласованности интересов, исключая конкуренцию и опирающейся на сотрудничество;
  - учет второго закона термодинамики при определении затрат, сохранения мощности при сокращении потерь;
  - адекватное использование всех типов капитала;
  - обеспечения роста благосостояния;
- новые задачи:
  - духовно-нравственное, идеологическое воспитание всех;
  - внедрение чистых технологий;
  - управление интенсивного типа и инновационное развитие;
  - объединение общества с равенством, свободой, правами, обязанностями, ответственностью всех;
  - комфортные условия жизни;
  - разработка концепций и программ на основе системно-целостной методологии.
- ключевым элементом прогресса служит человек, средства производства выбор вектора деятельности, организация труда, новые источники энергии;
- определяющим вектором развития отношений «природа-общество-человек-производство» является гуманизация всех форм взаимодействия и управления;
- таблица всеобщих размерностей и величин, разработанная Р.О. Бартини и П.Г. Кузнецовым, является основой определения системы социально-экономических показателей развития общественного производства, а измерение состояний и

изменений факторов производства сводится к определению мощностей потоков отдельных факторов и их совокупности.

Если доверительно относиться к словам автора, то можно со всем или почти со всем согласиться. Можно предположить, что механизмы расчета со всеми достоинствами полноты, со всеми видами учета уже созданы отечественными учеными и специалистами, а качество расчетов соответствует потребностям «новой» индустриализации в критериях той эффективности, которая не допускает отставание от лучших образцов механизмов в мире и имеет потенциал преодоления этого уровня с контекстом меняющихся условий и «гонки на совершенствование». Автор выделяет методологическую основу способов и критериев разработок - «системно-целостную» методологию, звучащую современно и убедительно. Само перечисление аспектов, которые отмечены автором, говорит об охватываемости механизмом всего того, что определяет успех. Сохраняя доверие, можно только искать и находить «потребителя», государство, озабоченное новой индустриализацией и понявшего не только неизбежность такого понимания заказа, но и опасности его не реализации, а также все достоинства и причины воодушевления прогнозируемыми успехами. Тем более что автор говорит о единственности проекта процесса созидания механизма, ведущего к выходу из кризиса и к перспективе.

Еще большее доверие может возникнуть, если удержать положения о том, что предполагаемая организация процессов соответствует закономерностям и тенденциям «позитивного развития цивилизации» и особенностям той новой «созидательной» идеологии, которая необходима в цивилизационном контексте, учитывающей коэволюционные моменты экологических принципов в системе «природа-человек-общество-производство». В философско-метафизическом слое замысла учитываются пять типов преобразования энергии, а в организационно-институциональном слое учитывается сохранившееся множество наукоградов, вузы, институты, Академии наук, КБ и т.п., готовых массово создавать и осваивать прорывные технологии. Автор предполагает консолидацию всех здоровых сил, могущих совместить личные и надличностные, государственно-общественные интересы и стабилизировать действие механизма воспитания, интеллектуального и нравственно-духовного, совместить позитивное действие всех видов капитала, обеспечить благосостояние народа. Различая экстенсивный и интенсивный подходы к управлению, к реализации функции управления, автор уверен в переакцентировке с экстенсивного на интенсивный подход, ее достижимости, уверен в достижении совмещенности равенства, свободы, прав и ответственности всех слоев общества или, хотя бы, элитной его части, в рамках гуманизации совокупности отношений.

Однако, анализ реального состояния общества, его слоев, элиты, лидеров в динамике второй половины XX в. и с учетом разрушительных процессов конца XX в. и драм начала XXI в. Говорит о наличии тех качеств, процессов, инерции, которая не соответствует оптимистическому настрою автора. Необходимо быть стратегически активным, но реалистично видящим реальность. Отметим некоторые проблемно-опровергающие моменты, сохраняя солидарное и с идентификацией к устремленности автора отношение к его проектным установкам:

- даже если совокупные усилия в творческом самопроявлении и соответствующие продукты интеллектуального созидания дают, после их сбора в единый арсенал, ощущение готовности к реализации в форме «большого проекта», типа «атомного», руководимого Л.П.Берия, проекта новой индустриализации с притязаниями указанного характера, то этот совокупный потенциал следует проверить и по содержанию, и по форме, и по механизму возникновения, способам самой творческой работы на соответствие критериям метафизического уровня – на «системность», в отличие от «структурности», и на «метасистемность», онтологичность и философско-логическую значимость;
- опыт методологической экспертизы, критики этих содержаний, форм, механизмов, творчества, профессиональных качеств, имеющийся в разных стилях в 80-е г.г. и 90-е г.г., а также в последнем десятилетии, показывают, что даже лучшие специалисты могут демонстрировать лишь «структурную» парадигму содержательной работы и самоорганизации, считая ее «системной» и прикрываясь синергетическими

стереотипами критериев, а если учесть резкое ослабление требований к своей самоорганизации под давлением «финансово-экономических» критериев в гонке за «прибылью» с игнорированием технологического слоя работы, то картина складывается иной и не дающей оптимизма, несмотря на сохранение субъективного потенциала лучшей, творческой части кадрового корпуса;

- условия, в которые поставили реформаторы деловую часть кадрового корпуса, в том числе руководителей предприятий, институтов, лидеров профессиональных сообществ, а с ними и трудовые коллективы, внесли не только уродливое искривление механизма индивидуальной и коллективной деятельности, но и базисного корпуса мотивационного и интеллектуального стереотипов, вынуждая лучших специалистов либо покинуть свою деятельность, либо соглашаться с инвалидизацией стандартов и критериев, либо вести бесконечную и безвыигрышную борьбу;
- если ставить акцент на «прорывных» технологиях, то это касается либо случайных удач творческих специалистов, либо привлечение результатов фундаментального слоя науки, а его привлечение организуется логико-философскими рамками и, следовательно, реализаций требований «метасистемного» подхода, а не «системного»;
- при том снабжении качества философско-логического образования и невключенности методологического слоя образованности, при ином понимании функции и механизма методологии¹, чем это происходит, по инерции в научно-образовательном пространстве, достижимость высот даже «системного» подхода, в отличие от «структурного», становится все более иллюзорной;
- для управленческого обеспечения создания и реализации группировок прорывных технологий и всего интенсивного слоя технологического поля требуются специалисты не только того, теряемого уровня, которые создавали научно-индустриальную мощь СССР, но и имеющие новый, более высокий уровень профессиональной, особенно культурно-мыслительной подготовки, владение современной методологией, инструментами «системного» и «метасистемного» подходов, но такой подготовки нет, нет инкубаторов стратегически значимых управленческих кадров, а также их аналитического обеспечения, замененного предъявлением массива информации, а не выращиванием необходимых способностей во всех звеньях субъективности;
- при декларировании цивилизационных рамок в гуманитарной науке сохраняется легковесное понимание сущности цивилизации, как и культуры, духовности, логики и др. высшего критериального корпуса для организации соответствующего рефлексивного, аналитического процесса, разработки решений разного уровня, сочетания ценностей стратегического, тактического и ситуационного анализа, что создает эффект формальной риторики «цивилизационного» типа, безответственности призывов «идти туда, не зная куда»;
- неслучайно, что сама историческая наука остается эмпиричной, не опирающейся на онтологическую базу понимания общества, стран, исторической динамики, поддержанную знанием всеобщих законов бытия и динамики бытия, а диалектика, механизмы развития, обсужденные Гегелем в своей метафизике, дающие руководящую нить в анализе исторической динамики и цивилизационных трансформаций, остается невостребованной из-за сниженности требований к линии сущностных раскрытий, невостребованности метасистемного подхода;

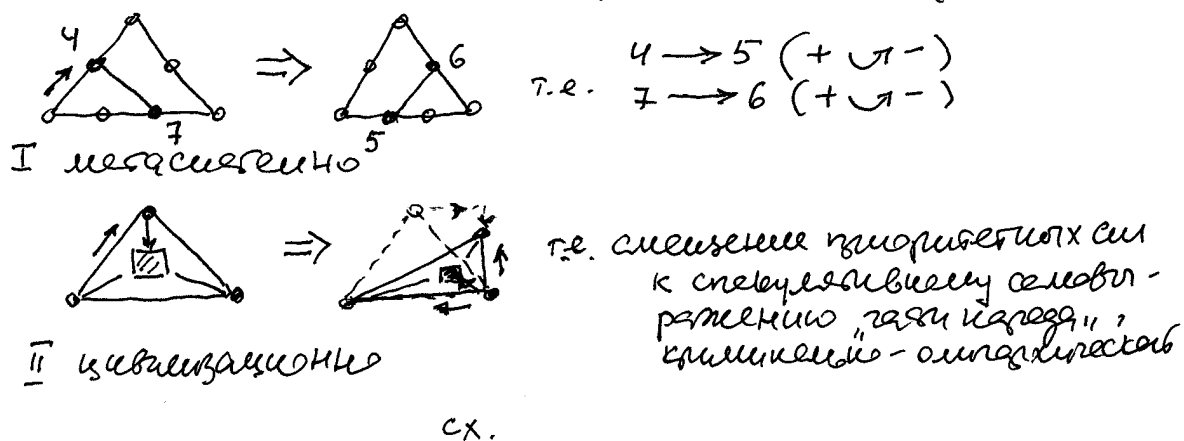
---

¹ Анисимов О.С. Методологическая парадигма (опыт ММПК). М., 2008; Методология: сущность и события, М., 2007. Г.П.Щедровицкий Избранные труды. М., 1995.

- в связи с этим и рассуждения, и модели солидарного бытия в обществе, к чему призывают многие озабоченные кризисом интеллектуальные силы, в том числе авторы проекта ОКЕАН, касающегося евразийского пространства, остаются эмпирически наивными, не постигшими законы порождения солидарности и противопоставленности в субъективных пространствах, принципиально неадекватными для преодоления, через посредство авангардно устремленных и их лидеров, инерции противопоставительства.

Тем самым, одних надежд на творческий потенциал наших людей, на склонность к лучшему, светлому, к правде и истине, к совместности и взаимопомощи и т.п. недостаточно и даже на накопленные открытия, изобретения, на огромный потенциал природных богатств и др. Необходима именно иная, с иными качествами индустриализация, организация совместных усилий, устремленность на иные притязания, иные механизмы, адекватные НТР конца XX в. и начала XXI в., с тенденциями, характерными для XXI в. В то же время, мы не только не удержали темпы движения, лучшее из недавнего прошлого и должны «начинать» с этих достижений и инерций в вещной и интеллектуально-нравственной самовыраженности народа. Мы потеряли часть единого народа, часть территорий, получили из утерянной части не только партнеров, но и «полупротивников», конкурентов, встроенных или устремленных к включенности в пространство геопротивников. Мы изменили вектор идеологического обеспечения, стратегии и тактики самоорганизации, породили изъяны, с которыми боролись десятилетия, попали под «дамоклов меч» спекулятивной экономики и устремлений, саморазрушили значительную часть ВПК и организацию инфраструктуры самозащиты, искривили стандарты управления и т.п. Иначе говоря, если брать все блоки «страны», страну и цивилизационное лицо, мы качественно ослабели и деформировались, едва не разрушив оставшуюся часть СССР, нашу Россию в конце XXв., отойдя от катастрофы гражданской войны и террористического беспредела и тактически восстановив «похожесть» на нормальное функционирование и далекую готовность к развитию, опираясь на сырьевой сектор экономики, нужный больше не нам, а нашим западным и т.п. «партнерам», совсем не желающим иметь мощного индустриального и цивилизационного «чистого» конкурента.

Применяя средства метасистемного анализа, мы можем дать диагностику состояния в стратегическом измерении. Для этого следует различить категориальные типы сочетаний исходных начал, которые нужно видеть в любом «нечто», т.е. типы «форм» и «морфологий». Если считать, что для «советской парадигмы» характерны акценты на достаточно жесткие управленческие, формосозидающие, нормативные, плановые и т.п. проявления и организованность «морфологии», включенность в управленческие проекты, идеологическую приемлемость и налаженность защитных механизмов, то отрицательные деформации, касающиеся и управления, и способов самоорганизации народа, навязанные либерально-рыночной, с явным спекулятивным уклоном, парадигмы можно выразить, укрупненно, собственно стратегически так (см.сх. 18):

Дедуктивные вычисления требуют большой подготовленности, компетентности в исходных средствах и процедурах соотнесения материала фиксации и средств мысли. Для незнакомого с этим читателя достаточно лишь отметить характер тенденций, саму возможность схемного выражения отрицательных сдвигов, оставив доказательство на период подробных реконструкций мыслей о динамике целого и частей идеального объекта на разных уровнях – метафизическом, цивилизационном и «страны». Если смещения, выраженные в средствах изобразительного языка, отражают реальные процессы, то вывод сводится к тому, что наш старт в «стратегическом походе» качественно более трудный, чем со времен конца 80-х г.г., при всей насыщенности того периода «теми» дефектами. Как целое, мы отрицательно деформированы, хотя некоторыми частями стали похожи на западные эталоны, выглядящими «прилично». Диспропорции легко найти во всем стратегически судьбоносном в механизме цивилизационной единицы – «страны».

Возвратимся к проблемам индустрии и ВПК. Можно ли средствами системного и метасистемного анализа дать диагностическую характеристику мнения о «второй индустриализации». Соотнесение проектных идей и акцентировок приводит к выводу о структурном типе совмещения положений, хотя сами некоторые основания звучат как намек на системность и метасистемность в аналитической картине. Действительно, наряду с указаниями на применение системно-целостной методологии, учитыванием связей и отношений между элементами общественного производства и учетом международных связей, на комплексность оперативно-тактических и стратегических мероприятий по созданию базы, на критериальные опоры организации всех форм активности, типологический подход к энергетике в производстве, на консолидацию сил и согласование интересов, на интенсификацию управления и инновационное развитие, выбор вектора труда, организации активности, гуманизацию отношений и т.п. в обсуждаемом проекте отмечается учет закономерностей и тенденций цивилизационного развития и потребность в новой идеологии, цивилизационной перспективе.

В структурной трактовке все положения, высшие и низшие по уровню, содержательности, предстают как самозначимые и могущие входить в отношения друг с другом для мыслящего проектировщика сохраняя свою автономную самозначимость, не демонстрируя подчиненность общему основанию и зависимость подчиненности иным частям в соотнесениях через посредство подчиненности единому основанию. Поэтому о механизме целого здесь не может идти речь как о том, что берет ответственность за реагирование на внешние условия и угрозы. Ответственность «рассыпана» на то, что могут, по своей воле и интересам, взять на себя различные компоненты целого. Нет то «самости», которая может реагировать и самозащищаться, проходить путь развития.

Если выделить из индустрии и иных компонентов общества, страны то, что входит в ВПК, то может быть и должна быть поставлена проблема опознания сущности системного механизма ВПК, способного адекватно реагировать на угрозы в целях безопасности страны. Только имея этот образ, появляется возможность о его «материализации» и действии реального механизма в меняющихся условиях современного мира. Иначе говоря, можно ли представить себе универсальный механизм, способный адекватно реагировать, модифицируя свой ресурс в зависимости от меняющихся обстоятельств? Если такой механизм возможен, то он приобретает еще и метасистемные качества, демонстрируя материализацию, в гибком реагировании на конкретные сюжеты, не тот или иной проект механизма, а универсальную функцию как источник разнообразных проектов. Этот механизм является наименее затратным и наиболее эффективным.

Чтобы пояснить направление нашей мысли воспользуемся организационно-военной линией мысли Н. Макиавелли, обсуждавшего причины успешности римского войска.¹ Он анализировал механизм легиона как единицу универсального типа, которая могла реагировать на любые угрозы самостоятельно, совмещаться с другими легионами, воссоздавая универсализм в укрупненном варианте. Суть его мысли состояла в следующем. Войско должно использовать все типы вооружений и организованностей, рода войск, но таким образом, чтобы сочетание давало максимальный боевой результат в каждом типе сочетаний сил. Если сочетание носит, в наших

---

¹ Макиавелли Н. О военном искусстве. Минск, 1998.

терминах «структурный» характер, то эффективность случайная, положительная или отрицательная. При введении некоторых оснований сочетание дает именно максимальный эффект в каждом случае и совершенно неслучайно. Римское войско было «системно» организовано с учетом максимального вклада каждой части в целом в получение единого максимального результата. Аналогичные соображения вводил и Сунь-цзы¹, когда рассматривал типы ситуаций и расчеты ресурсного обеспечения реализации абстрактной функции «войны» с направленностью на «победу». И это для него было возможно лишь при понимании сущности «войны», особого типа противостояний с особыми типами ресурсов, «воинов», делящихся на «рядовых» и «командиров», включая «командующего» всей иерархией, «армией». Н. Макиавелли показывал, что римляне смогли выработать универсальные типы перестроений родов войск и перестроений в каждом роде войск под «идею», функцию борьбы, войны, сражения в зависимости от типа ситуации, типа угрозы, сюжета, задачи. При переходе от случайных сочетаний, гибкого или жесткого характера, дающих случайный эффект, положительный или отрицательный, к неслучайным сочетаниям появлялась зависимость от оснований, от критериев и, следовательно, от значений особого типа, в которых сочетались содержания и высокого, и низкого уровней абстрактности и неслучайности, следовательно, сущности. Системная организация разнородных сил не носит иерархического характера, хотя может быть очень сложной. Такова может быть и отраслевая организация, где в соотношении с базисным слоем выделяются обслуживающие слои и подсистемы, например, в сочетании базиса «легкой» промышленности и надстройки «тяжелой» промышленности. Аналогично соотношение «легкой» и «тяжелой» пехоты, «пехоты» и «танков, артиллерии, авиации». Система хотя и подчиняет все разнообразие компонентов одному основанию, но само основание соотносено с типом задач, с типом притязаний и т.п. В случае «метасистемной» организации единого, войска, промышленности, страны и т.п., строение, механизм создается для реагирования на типологию, на разнообразие типов с устремленностью на «все» типы, следовательно, на «любые» заказы, угрозы, задачи и т.п. Поэтому при выработке типовых реагирований одного и того же механизма при критерии «полноты» рассматриваемых типов для «универсального механизма» конструктор должен иметь опору на различные варианты обобщений, которые может давать наука, сколько на всеобщие знания, на «суть того бытия», с которым имеет дело конструктор, на философию войны, в варианте Сунь-цзы, Макиавелли и др., не игнорируя и науку и донаучные знания. Сейчас нельзя с уверенностью говорить об авторстве подхода, но опора на «книгу перемен» и принцип опоры на «Небо», что было характерно для Сунь-цзы, для создателей метода для построения римского войска имеют первоисточком древнее учение о войне и управлении, которым обладали русы-арии в Рассении задолго до китайцев.² Поскольку после падения Трои часть спасенных, во главе с Энеем, появилась на Аппенинах и создало Этрурию, русо-арийскую цивилизационную единицу, а в Трое, конечно, знали законы войны и законы бытия вообще, то и механизм войска был создан с учетом этих знаний, а потом заимствован римлянами. Но это утверждение лишь предположительное.

Отсюда вытекает сама конструкторская идея создания организованностей, механизмов универсального типа. Нслучайно, что римские легионеры перестраивались «по свисту», т.е. по сигналу о типе построения и все воины знали, что делать в том или ином типе построения, были этому обучены. Технологический стандарт для типологии универсального механизма имеет прототипы во многих видах «искусств» и более полная, конкретизированная организация создается лишь на базе строго типологической технологии, давая возможность «конструктору» проявить творческий потенциал руководителя. Этому обучался и Чингизхан в Рассении, этим владел великий полководец Сибири времен Батыя – Субудай, так как в Асгарде хранились высшие знания и проходили подготовку к их применению вожди и сами жрецы. Как известно, логико-философский способ дедуктивного движения мысли в иерархии абстракций, что и соответствует метасистемному мышлению, создал Гегель.³

¹ Сунь-цзы/ Искусство войны. Антология военной мысли. М., 2000.

² Демин В.М. От ариев к русичам. М., 2005.

³ Гегель Наука логики. т.3. М., 1972.

Обладая знанием и умениями, адекватными и системному, доиерархическому, и метасистемному, иерархическому, подходам, мыслитель может приступить к постановке задач по созданию универсальных механизмов различного характера.

В случае ВПК мы имеем дело со следующим. В нем производится оружие для боевых действий, которым должны овладеть воины и совмещением друг с другом в подразделениях и соединениях создавать единый, разнородный «кулак», противодействующий усилиям противника и движущий к победе над ним в «линии сражений», как отмечал Клаузевиц.¹ Оружие разнообразное, однако, оно типизируется и выявляется более и менее абстрактные типологии. ВПК должен реагировать на полноту абстрактной типологии, дающую картину динамического применения всего разнообразия для средств обеспечения победы. Следовательно, в этом образе есть базисный процесс системного поведения в сражении через применения средств борьбы. Сочетание базисной технологии системного поведения войска с акцентировкой на воинов и модифицирования поведения через введение акцентировки на средства борьбы дает единый образ динамики сражения, а затем и войны. Чем больше акцентировок в базисном процессе, тем больше возможностей введения типов базисных участников борьбы, тем больше типов заказов на усиление средствами борьбы. Каждый тип вносит свой вклад в единый успех, и совмещение вкладов разделенных типов ставит организационно-технологическую задачу уровней согласования типовых вкладов, «структурного», «системного» и «метасистемного». Трудности и обеспечение их преодоления в каждом типе вклада порождают надстроечные единицы, простые и затем сложные, а трудности в согласованном боевом воздействии всех типов – порождают потребность в инфраструктурных единицах, простых и сложных, воссоздающих переход от структурного к системному совместимому воздействию на противника. Все эти усложнения могут идти и оформляться в мышлении, в образах либо структурного, либо системного, либо метасистемного уровней. Когда создан образ метасистемного уровня, специфичный для стратегической позиции, когда может осуществляться иерархический «возврат» в конкретность устройства целого, но уже дедуктивно. Именно это ведет к стратегической реализации на конкретном уровне с теми поправками, которые вынужденно вводятся с учетом все более конкретных представлений о реально происходящем.

Почему мы вносим такое рассуждение, кажущееся достаточно очевидным и лишним усложнением размышлений высшего командира, озабоченного эффективностью использования как воинов всех типов, так и вооружений всех типов? Потому что, не осознав требований к этому мышлению, ослабляя качество мышления, его тщательность, не пользуясь культурой мышления в стадиях и индуктивного поиска высшей опоры в воззрении на условия и технологию победы с динамикой изменяющегося корпуса боевых средств, вооружений и характера противостояний, легко войти в зону неточностей, неправильности, недооцененности трудностей мышления и не встать на позиции системного и метасистемного расчета потребностей и размещения вооружений. Как и в исследовательском и аналитическом для познания процессе, так и в прогностическом и проектном размышлении управленца прохождение от эмпирических типологий к абстрактным типологиям и их связанности, от структурной до метасистемной, означает получение ответа на вопрос, как организовать обеспечение средствами кооперативную деятельность разного масштаба и сложности универсальным образом, дающим и надежность, и эффективность, и минимизацию усилий, реагируемость на любое разнообразие заказов.

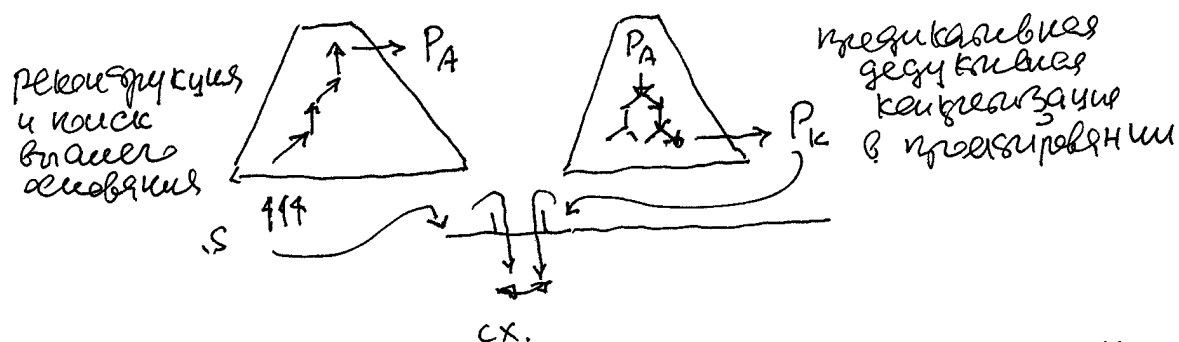
Для сферы производства это означает, что реагирование на заказы также должно быть построено по принципам универсальности. Для каждого абстрактного типа заказа создается механизм его реализации на том же уровне абстрактности, с прохождением того же пути от первично конкретного реагирования с применением сложившегося ресурса ко все более абстрактному реагированию с абстрагированием представлений об адекватном для заказа и типа форм ресурсе. Вместе с абстрагированием осуществляется выход за сложившиеся взгляды и на форму, технологию, тип организации производства, и на ресурсное обеспечение. От привлечения ресурсов открывается переход к проектированию ресурсов и проверке на реалистичность воплощения замыслов о появлении новых ресурсов.

---

¹ Клаузевиц К. О войне. М., 1994.

Данный эффект перехода от прямой зависимости от заказов «апостериорного» по Канту¹ типа к созданию заказов «априорного типа» на основе «чистого мышления» очевиден для понимающих природу мыслительного механизма в исторической динамике развития, когда этап поиска высшей абстракции, исходной «клеточки» в индукции дополняется этапом дедуктивной конкретизации (см. сх. 19):

сх. 19

«Капитал» Маркса является образцом, обладающим соотношениями всех типов, констатацией материала истории, его концептуализацией, поиска и нахождения исходной «клеточки» (товар и цикл движения капитала), конкретизации «клеточки» до типов и синтеза типов капитала.² По аналогии с этим исходным предикатом «клеточкой» мира деятельности является «социотехническая единица», где соотносятся в едином управленческая, исполнительские единицы деятельности и сервисы того и другого при наличии позиции «заказчика» внешней для деятельностной кооперации.³

Иерархия абстракций позволяет не только «подчиненно» реагировать на заказ, на внешний повод, но и находить ему «чистое» выражение и конструировать альтернативные варианты, не прибегая к заимствованию опыта с сохранением «правильности», существенности, в том числе при полном отсутствии эмпирических аналогов. Если на некотором этапе дедуктивного развертывания можно говорить и об «индустрии», а затем типах индустрии и интегрировать типы в едином индустриальном пространстве, то в «Капитале» Маркс показал эту мыслительную процедуру, заимствованную у Гегеля, показал членение капиталов на типы, производительный, торговый и финансовый, а затем интегрирование в единое экономическое пространство.

Важно сказать, что военное применение механизма индустрии не меняет сущности индустрии и вместе с построением онтологии индустрии появляется возможность стратегического перехода к ее управлению, дедуктивным оформлением опыта и дедуктивным проектированием качественно новых состояний под фиксированный заказ и линию, тенденцию развития индустрии. Этим решается и сама задача отхода от постоянного «догоняния» развитых индустрий к быстрому их «обгону» при ясной стратегической мысли и налаженности механизма перехода от стратегической нормы к ее реализации.

Следовательно, при всех исторических изменениях требований к вооружениям реакция на них осуществляется либо без «дедуктивной технологии», обычным образом, в котором много случайностей, либо на основе сочетания «индуктивной» и «дедуктивной» технологий, т.е. интенсивного технологического подхода. Отличие «новой» индустриализации от прежней и состоит в том, чтобы наладить интеллектуальный механизм, объединяющий потенциалы «чистого» и «практического» разума, обладающий всеми признаками интеллектуальной универсальности в области индустрии, конечно, сочетая с таким же механизмом для иных макросистем и страны в целом. А затем этот механизм становится основанием стратегического рывка России и дружественных ей стран. Если рассмотреть по особенностям такой работы, то она полностью исчерпывает потенциал немецкой классической философии в ее методологическом оформлении и делает эту версию, точнее – версию Гегеля, залогом культурно-мыслительного

¹ Кант Критика чистого разума. СПб., 1999.

² Анисимов О.С. Псевдогенетический метод и экономическая онтология (версия Маркса). М., 2008.

³ Анисимов О.С. «100 схем». В.Новгород. 2013.

рывка России. Именно в ней есть этногенетические и духовные предпосылки прохождения такого пути и она превращается в партнера великого кооперативного единства Германии и России в интеллектуально-духовном измерении с различием акцентов для сторон, Германии – организованность во всем, а в России – творчество во всем. К этому синтезу, о чем говорилось во время поездки по местам творчества Гегеля в августе 2013 г. (Анисимов О.С., Авдеев С.В., Бакенов К.Б.)¹ может примкнуть Япония, имеющая технолого-эстетическую культуру и др. культурно ориентированные, избежавшие эгоцентризма в самовыражении, страны в рамках цивилизационно-позитивных ценностей. Синтез усилий трех стран в области космонавтики обсуждал космонавт Авдеев С.В.

Тем самым, при решении всех индустриальных задач, в том числе в связи с ВПК и из-за сохранения духа противопоставительности в глобальном сообществе, поддерживаемого США и его покровителями в спекулятивном олигархате, стратег обретает тот тип механизма, который базируется на культуре мышления, а также и всех иных типов культур, что предполагает осуществление именно «культурной революции» в индустриальной практике, да и во всем индустриальном и ином цивилизационном пространстве.

Руководствуясь представлением об иерархически построенном поле абстракций и псевдогенетическим способам развертывания мысли от «абстрактного» к «конкретному», по содержанию соответствующему пути от «идеи» идеального объекта до актуализации всего потенциала идеи можно наладить дедуктивное реагирование на заказы, на воление времени, удерживая сущностные характеристики исходной абстракции, «идеи индустриализации» или «идеи оборонного комплекса», «идеи защищенности страны» и т.п. При проектной реализации возможностей идеи, в стиле конкретизации абстракции, в «объекте» сначала фиксируются универсальные качества, а затем лишь все более приближающиеся к тому, что зависит от меняющихся условий. Поэтому сначала образ предприятия, института, отрасли и т.п. несет в себе «принципиальное», а поэтому именно функциональное, т.е. воин вообще, оружие вообще, познание вообще, оборудование вообще, команда вообще, управление вообще и т.п. Лишь затем осуществляется типологизация через акцентировки на том или ином образе «объекта» и в типологизации идет оформление типологизированных версий объектов. Появляется множество типов объектов. Поскольку форма типологизации может быть использована вновь, то возникает «пирамида» типов, где можно найти тот тип, который соответствует заказу. Всеобщие качества удерживаются в такой конкретизирующей типологизации, но обрастают особенностями. Эта конкретизация сохраняет неслучайность содержания получаемого результата.

Тем более, что само устройство идеального объекта подчинено всеобщим законам бытия, т.е. высшей неслучайности и различения типов становятся неслучайными. В силу конкретизирующей типологизации все типы легко включаются в кооперативные отношения и этим в системные отношения, а выведенность из высших оснований делает кооперацию метасистемно значимой. Более того, если содержание заказов изменяется, то устраняется значимость конкретного кооперативного совмещения и проектировщик в ходе проблематизации лишь «возвращается» к более абстрактному слою, который всегда более консервативен в значимости. Если не следует проблематизировать еще более масштабно, повышать уровень абстрактности, который не требует оспаривания при соотнесении с заказом, то от него идет перефокусировка и новая конкретизация, новое построение кооперации, совмещаемое с заказом. Тем самым, если удастся построить реальные системы, которые удовлетворяли бы требованиям абстракции того или иного уровня, то эта система была бы неизменной при меняющихся заказах, меняя лишь свои технологические «проявления». Прототипом такого явления выступают системы, допускающие переналадки с сохранением основы или трансформации технологических режимов, способов использования при сохранении самого устройства. Такими же свойствами обладают математические формулы, допускающие изменения значений «переменных». Но в математике сами формулы и есть абстрактные «объекты», формное основание, получающее конкретизацию в процессе поиска «искомых» для «неизвестных». Этот принцип мы и вносим в мир деятельности, вводя и «общую теорию деятельности» как общую формулу, становящуюся источником

---

¹ Анисимов О.С. Отчет о поездке в Германию по местам творчества Гегеля. В кн. Дневник методолога. М., 2013.

«неизвестных» того или иного уровня абстрактности для нахождения в конкретизации «искомых» более конкретного уровня содержаний по фиксированной теме. В теме и вносится тот или иной идеальный объект высшего для него уровня абстрактности.

По этому принципу осуществляется проектирование игровых моделей коопераций деятельности и мышления в специальных играх – «организационно-мыслительных» и «организационно-деятельностных».¹ Тем самым, наши рассуждения имеют под собой «практическую» почву и именно такие способы моделирования в игропространстве являются прототипом «проектных машин», проектной индустрии будущего. Адекватным участником в таком моделировании может стать лишь специально подготовленный человек. Если в театре проектировщиком выступает сначала «специалист», а потом организатором процесса воплощения сценария – «режиссер», то в указанном модельном механизме проектировщиком и организатором постановки модели предстает «игротехник» или команда игротехников. Следовательно, указанный тип деятельностно-мыслительного театра выступает как прототип механизма новой индустрии – индустрии коллективного, кооперативного мышления и деятельности, создающего кооперативно-деятельностные и кооперативно-мыслительные проекты и их модельное воплощение, предваряющее «практическое» воплощение. В ходе игромоделирования можно не только идти от «идеи» будущего объекта, той или иной кооперации, организации и т.п. к ее воплощению на уровне «принципиальности», для подготовки к выходу в практику, но и создавать ядро будущего коллектива, понимающего суть, функцию, устройство, перспективы будущей системы, готовых к субъективному вхождению в нее, субъективному «оживлению» проекта.

Подведем итоги. Все исходит из того, что нужно не только вовлечь в ВПК новые ресурсы, включая субъективные, финансовые, организационные и т.п. ресурсы, извлекая их из иных сфер и областей деятельности, увеличивая масштабы деятельности, не только учесть и заимствовать результаты и опыт иных ВПК, применяемые там технологии, методы, критерии, принципы, если они рассматриваются как полезные и даже перспективные, но и подвергнуть коррекции, совершенствованию уже имеющиеся процессы, механизмы, формы, критерии деятельности в реально работающем ВПК. Это касается и самого простого «станочного», «конструкторского», «поискового» процесса, так и методов, принципов, критериев организации базисных процессов, включая внутреннюю самоорганизацию всех типов работников, всех типов творцов и участников управленческого и аналитического процессов. Тем более это касается управления и конструкторским, и опытно-производственным, и научным и т.п. процессами, на разных уровнях управления, включая стратегическое управление. Сложнейший макромеханизм, меняющий свои масштабы и порядок сложности, совмещающий все виды творчества и строго технологизированного труда может и должен быть «усовершенствован». Само совершенствование может быть экстенсивным и интенсивным. Чем более высокие притязания на совершенствование, тем в большей степени самосовершенствование зависит от понимания сути совершенствования и того, как писал Конфуций, что такое «совершенство».² На пути к совершенствованию должны оказаться все единицы, комплексы, структуры, системы, включенные в ВПК. Следовательно установку на совершенствование и следование ценности совершенствования можно осуществить, материализовать лишь различая уровни совершенствования, приближения к совершенству, а это означает ведущую роль внесения критериев «объектно-онтологического» типа.

Чтобы приступить к процессу и придать ему нужные темпы, внести не только и не столько количественные изменения, сколько качественные и качественно-количественные изменения, притязая максимальное приближение к «совершенству» следует понять и организовать соотношение начал: «совершенствуемое» - «совершенствующий». Совершенствующийся, т.е. субъективный представитель совершенствуемого, должен иметь установку, желание, потребность в совершенствовании, тем самым быть предполагающим и видящим несовершенное в себе, в своей деятельности, мышлении, мотивации, самоорганизации и т.п., предполагать или видеть перспективу возникновения более совершенного своего состояния и объективную необходимость в нем, вызываемую извне или изнутри законами внутреннего или внешнего бытия, той среды и целостности, в которой существует человек. Пребывая в этих средах и целостностях человек

¹ Анисимов О.С. Развивающие игры. Методология. М., а также Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.

² Конфуций Уроки мудрости. М.-Харьков, 2001.

имеет возможность попадать в ситуации, в которых требуется рефлексивная обращенность к совершенствованию. Как правило, это связано с осознанием несоответствия его, как части целого, требованиям, предъявляемым к «этой» части со стороны целого (социокультурного, деятельностного, культурного, духовного и т.п.). Снятие несоответствия предстает как условие воспроизводства целого, его развития или совершенствования, ставших актуальными в необходимости. Совершенствующий выступает субъективным представителем потребностей целого и органом реализации потребности, имеющим устремленность и способность воплощения возможности и необходимости, обеспеченный тем, что для этого необходимо. Отсутствие достаточно мощного, количественно и качественного корпуса совершенствующих консервирует состояние нужды в совершенствовании, усугубляет отрицательные следствия отсутствия совершенствования, ведет к снижению жизненного потенциала целого и перспективу как неэффективности, так и ослабления, вплоть до гибели.

Но что такое совершенство и несовершенство? Критерий ответа на этот вопрос был дан в древности, в частности Платоном.¹ Его тезис состоял в том, что любое нечто должно для положительной перспективы своего существования «уподобляться» своей «идее», предназначению и тому, что проистекает из предназначения в конкретной ситуации, быть адекватным «зову» предназначения в этих условиях. Но тогда человек, способный осознавать свои действия и себя в них, свое отношение к внешним условиям и т.п., должен иметь потенциал опознавания указанного «зова» и устремленности к следованию ему, иметь потенциал самоорганизации, адекватный динамике «зова». Тем самым, совершенство предполагает максимальное устремление, объем и качество уподобления, соответствующего самокорректирования в пользу «зова», а несовершенство состоит в минимальном потенциале уподобления, интеллектуальном, мотивационном, самокоррекционном.

Более того, совершенствование различается от инноватики, инновационного устремления, так как введение «иного» не означает обязательного совершенствования и может быть фактором, ведущим в сторону и против совершенствования. Так бывает при порождении реформ, не имеющем достаточно объектно-онтологического обоснования, при бездумной рефлексивной активности, которая инициируется либо по наивности изнутри, или осознанно извне, например, противником, конкурентом. Россия проживала неоднократно эти периоды необдуманных и инициированных реформ, а также спекулятивно порожденных кризисов и революций.

Тем самым, если совокупный управленец, положительно ориентированная элита страны приходит к необходимости выхода из кризиса, к реформам принципиального типа и даже к необходимости «рывка», примером чего является «рывок» СССР в 30-е гг. и т.п., осуществленный под руководством И.В. Сталина, то появляется необходимость в «авангарде», способном стать субъективной силой совершенствования экстремального типа. Поскольку любое стратегически значимое совершенствование связано с преодолением инерции прошлого процесса и зависимости от прошлого состояния развитости и хаотизации отношений частей целого, а также влияния адептов чуждых целому сил, «пятой колонны», то для преодоления сопротивления требуется соответствующая сила. Примером этого служит и опыт опричнины Ивана Грозного.² Этот момент и неправильное понимание механизма «рывка», смешение с искривленным видением эпохи репрессий, представлены в современном видении путей совершенствования.³ С нашей точки зрения России нужен рывок, преодолевающий инерцию внедрения либерально-рыночной парадигмы и включенности в глобальную игру спекулятивных сил. Поэтому нужно развернуть инфраструктуру и базисный корпус «спецназа», реализующий функцию организаторов совершенствования в экстремальных условиях. Он должен касаться соответствующих коррекций во всех ключевых звеньях страны, включая ВПК и осмысливая приоритеты в совместных усилиях, подчиняясь принципам иерархически построенного «войска» совершенствователей. Так как ответственным за выход из кризиса и за приход к желаемому позитивному состоянию страны, в рамках достойных притязаний, т.е. цивилизационно осознанных, с учетом истории и духа нашей

¹ Платон Собрание сочинений в 4-х томах. т.2. М., 1993.

² Фомин С.В. Правда о первом русском царе. М., 2010; Иван Грозный и иезуиты. Миссия Антония Поссевино в Москве. М., 2005.

³ Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 30. Разумная стратегия: опыт и проблемы. М., 2012.

цивилизационности, притязаний, выступает Президент, с поддержкой всей иерархии механизма управления, хотя бы ее «здоровой», полноценно насыщенной интеллектуальностью, мотивационностью и волей, частью, при понимании и поддержке народа, его «здоровой», самоорганизационно, нравственно-духовно, частью, то следует создать расширяющийся блок «власть-народ-культура и духовность». Так как субъективное целое власти в значительной степени заражено неадекватными или внесенными спекулятивными взглядами и установками, то для недопущения формализма и манипулирования средствами власти приоритет в разработке стратегии и конкретных планов порождения и роста корпуса совершенствователей нужно «отдать» общественной палате, выделив из нее и из общества потенциально или актуально адекватных «идеи» людей. Наиболее осознанные и готовые выполнить эту миссию, под патронажем Президента, могут составить инициативный актив организационного характера.

В этих рамках анализа прояснение в том, как выстроить механизм совершенствования ВПК может выступать как очевидно приоритетное. ВПК принадлежит научно-конструкторско-экспериментально-производственному пространству. Поэтому совершенствование выступает по преимуществу интеллектуальным и нравственным, в силу ответственности перед страной и особого фактора мобилизационной затратности сил. В гонке вооружений быстрота прохождения цикла от идеи до образцов и выхода в массовое производство в условиях базисной конкурентности и необходимости в максимальном качестве вызывает потребность в интенсификации мотивационного напряжения и роли неслучайного мышления. В установке на полноту охвата энергией совершенствования возникает устремление к параллельному порождению групп совершенствователей во всех звеньях типовых «единиц» ВПК. Однако, призыв к выделению такого слоя участников производственно-творческого процесса звучит достаточно формально и может вызвать случайную реакцию среди даже внутренне склонных к новаторству и организационному воздействию с благими намерениями. Причины неучастия могут быть разными, в том числе от неверия в серьезность намерений инициаторов «сверху» и «снизу», надежность возможного процесса, рыхлость представлений о стиле и формах проявлений совершенствующих и т.п. на фоне дополнительного расхода сил и отсутствия идеологического механизма в стране и в силу инерциальности спекулятивных манипуляций и т.д. Как и во всяком серьезном деле требуется сочетание осмысленного использования интеллекта, потенциала мотивации и самокоррекционности, встроенного в «общее дело», обладающее повышенной сложностью.

Иначе говоря, в практике инициативного самовыражения с благими целями, как и в любом ином типе ответственной практики, огромное значение имеет высший уровень неслучайности в действиях и самоорганизации, придание им особой «профессиональности». Ориентиром в этом может служить игротехнический опыт, накопленный в методологии, где базисным процессом выступает организация инновационных и развивающих процессов применительно к группам игроков, как правило, добровольно участвующих в поиске новых решений, прорывных проектов в особо сложных условиях развивающих игр.¹ Поскольку управление коллективным поиском включает управление ростом субъективного потенциала самоорганизации игроков, имеющих инновационную мотивацию применительно к любому типу деятельности и сфере деятельности, то такие игры и прохождение пути к приобретению игротехнических способностей являются прототипом выращивания корпуса совершенствователей, созидания «инкубаторов» для них. В то же время этот процесс приобретения потенциала управления ходом совершенствования действий, самоорганизации и «продуктов» творчества является крайне сложным, предполагает интенсивность, регулярность, обеспеченность, обоснованность для самих проходящих путь, для руководителей пути и заказчиков на прохождение пути и появление «выпускников». Чаще такие циклы, хотя и в условиях совместных, командных усилий, являются предполагающими индивидуализацию в прохождении «выпускника», что подобно подготовке бойцов спецназа. Выпускники предстают как интеллектуально-нравственный спецназ, вовлеченный в культуру мышления и предназначенный для интеллектуального использования. Все это исключает «поточность» в планировании

---

¹ Анисимов О.С. Субъективная рефлексия в игромоделировании и ее понятийное обеспечение. М., 2012.

количества прошедших путь, следовательно, противостоит скорости роста численности корпуса совершенствователей.

Тем самым, быстрота появления тех, кто может проявиться в способствовании интенсификации развития ВПК параллельно в разных слоях единого комплекса и соблюдение принципа высокой неслучайности и квалифицированности всех участников реализации миссии входят в естественное противоречие. Выход состоит в создании проекта поэтапного развертывания механизма создания и расширения масштабов действия данного корпуса специалистов. Тем более что численность уже готовых войти в этот механизм на базе специальной подготовки, имеющих качественный методологический и игротехнический опыт крайне незначительна для огромной страны. Попытки свести требования к участникам до минимума с целью быстрого возникновения «массы» в указанной функции является условием неоправданного искажения самой идеи и навлечения на себя ответственности за неуспех грандиозного по последствиям начинания. Попытки интеллектуальных и нравственных «массовок», имевшие и имеющие место в России, не вели к чему-либо долговременно значимому, хотя и провоцировались нуждой в «новых людях».

Возможно ли разрешение указанного противоречия? Потенциально оно возможно, опираясь именно на опыт методологического моделирования и опыт мобилизации интеллектуальных сил в СССР в 30-40 гг., отстраняясь от исторически неоправданных сторон опыта и без прямого переноса в новое время, основанное на преимуществе принципа высшей обоснованности организационных и технологических проектов на базе культурно-духовных критериев, что возможно стало именно в последние десятилетия. Конкретный проект развертывания механизма может быть создан в компактной серии специфических для игромоделирования мероприятий, в том числе в линии проектирования сети аналитических и стратегических «инкубаторов».